

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

• ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА •

РЕКС СТАУТ

Только
через мой
труп

Рекс Стаут
Только через мой труп

Rex Stout

OVER MY DEAD BODY

Copyright © 1939 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. В. Санин, перевод, 1994

© О. Г. Траубенберг, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

Глава 1

В дверь позвонили. Я вышел в прихожую и, открыв дверь, увидел незнакомую девушку. Я поздоровался.

– Пжалста, – сказала девушка, – мне бы повидать мистера Ниро Вулфа.

Может, она произнесла не «пжалста», а «пажалуста» или «пажалста». Как бы то ни было, говор ее даже отдаленно не напоминал речь Среднего Запада или Новой Англии, не говоря уже о Парк-авеню и тем более Ист-Сайде. Само собой, такое явно не американское произношение несколько резало мне слух. Тем не менее я вежливо пригласил ее войти, провел в кабинет и, усадив в кресло, с трудом выудил из нее имя – пришлось спрашивать его по буквам.

– До одиннадцати часов мистер Вулф занят, – сообщил я, попутно бросив взгляд на настенные часы над моим письменным столом. Часы показывали половину одиннадцатого. – Я Арчи Гудвин, личный секретарь и помощник мистера Вулфа. Чтобы не терять времени даром, вы можете начать...

Она покачала головой и заявила, что время у нее есть. И я предложил ей полистать журнал или книгу, но она снова отказалась. Тогда я оставил ее в покое и вернулся к прерванному занятию: до ее прихода я сидел за столом, приводя в порядок картотеку скрещивания орхидей, которую успел изрядно запустить. Минут пять спустя, уже заканчивая работу, я услышал за спиной голос:

– Впрочем, пожалуй, я и впрямь не откажусь от какой-нибудь книжки. Можно?

Я указал посетительнице на книжные полки, предоставив самой выбирать по своему вкусу, и вернулся к прерванному занятию. Когда, минутой спустя, я снова поднял глаза, она уже с книгой в руках стояла около меня.

– Мистур Вулф читает ее? – спросила она.

Ее тихий и низкий голос звучал бы вполне даже приятно, потрудись она выучить, как правильно произносить слова. Я взглянул на корешок и ответил, что в свое время Вулф эту книгу уже прочитал.

– Но он ее стадирует?

– С какой стати? Он же гений, а гению вовсе не пристало что-либо штудировать.

– Ему достаточно прочитать книгу один раз, чтобы все усвоить?

– Совершенно верно.

Девушка направилась к своему креслу, но вдруг обернулась:

– Может, вы ее читаете?

– Нет! – отрезал я.

Она чуть заметно улыбнулась:

– Что, история Балкан для вас слишком сложна?

– Не знаю, никогда ею не занимался. Насколько мне известно, всех королей и королев там убивают как мух. А про убийства мне куда интереснее читать в газете.

Улыбка мигом исчезла. Посетительница опустилась в кресло и, похоже, целиком погрузилась в чтение. Я закончил возиться с карточками, аккуратно сложил их в стопку и отчалил в оранжерею. Преодолев два пролета покрытой ковровой дорожкой лестницы, я забрался на последний этаж, а оттуда вскарабкался по крутым ступенькам под самую крышу. Вся оранжерея, кроме питомника и каморки, в которой спал Хорстман, была застеклена. Протопав через первых два помещения между серебристыми стеллажами и бетонными скамьями, уставленными десятью тысячами цветочных горшков, в которых чего только не было, от нежной рассады до одонтоглоссумов и дендробиумов в полном цвету, я отыскал Ниро Вулфа в термальной. Уперев в бока большие пальцы и насупившись, он смотрел на Хорстмана, который, в свою очередь, хмуро и укоризненно пялился на огромный цветок целогини с белыми лепестками и оранжевой губой. Вулф бормотал:

– Целых две недели коту под хвост. Ну по крайней мере двенадцать дней. Если все дело в стимуляции... Чего тебе, Арчи?

Я протянул Хорстману карточки:

– Вот данные по мильтони и ликасте. Даты прорастания у вас уже есть. Между прочим, внизу сидит некая чужестранка, желающая позаимствовать у вас книгу. Ей примерно двадцать два года, и у нее чудесные ножки. Лицо хотя и угрюмое, но вполне смазливое, глаза красивые и темные, но встревоженные. Да, еще у нее прекрасный голос, но говорит она прямо как Линн Фонтэнн вроде бы в «Восторге идиота». Тютелька в тютельку. Зовут ее Карла Ловчен.

Вулф взял у Хорстмана карточки, собираясь их просмотреть, но вдруг встрепенулся и бросил на меня острый взгляд.

– Как ты сказал? – резко спросил он. – Карла?..

– Ловчен. – Я произнес фамилию по буквам и ухмыльнулся. – Я вас понимаю, меня это тоже сразу поразило. Может, вы помните, что я читал «Возвращение на родину». Похоже, ее назвали в честь горы. Черная гора. Гора Ловчен. Черногория. Монтенегро, венецианский вариант Монтенеро, горы Нерона, а ведь вас по большому счету тоже должны звать Нерон^[1]. Возможно, это просто совпадение, но для такого опытного сыщика, как я, не составило труда...

– Что ей нужно?

– Говорит, пришла поговорить с вами, но, по-моему, просто хочет позаимствовать у вас книгу. Она достала с полки «Объединенную Югославию» Хендерсона и спросила, читаете ли вы ее и не «стадируете» ли и не читаю ли ее я и так далее. А сейчас она сидит в кабинете, уткнувшись в книгу своим хорошеньким носиком. Только вот глаза у нее слишком обеспокоенные. Меня так и подмывало сказать ей, что ваш банковский счет в полном порядке и вы вряд ли согласитесь взяться... – Я запнулся.

Вулф не слушал меня, притворившись, будто усиленно изучает принесенные мной карточки. Чистое ребячество, ведь до одиннадцати оставалось всего ничего, каких-то три минуты, а ровно в этот час Вулф неукоснительно спускался из оранжереи в рабочий

кабинет. Поэтому я неодобрительно фыркнул, отвернулся и устремился в обратный путь.

Чужестранка по-прежнему читала, сидя в кресле, но уже не книгу, а журнал. Я поискал глазами книгу, желая водворить ее на место, но, оказывается, Карла Ловчен меня опередила. Томик стоял там, где и раньше. Я мысленно похвалил девушку: в наши дни подобную аккуратность встретишь не часто. Я сказал ей, что Вулф вот-вот спустится, и не успел расчистить письменный стол и водрузить на него пишущую машинку, как услышал клацанье двери личного лифта моего шефа, а мгновение спустя сам Вулф вошел в кабинет и грузно протопал прямо к своему рабочему столу. Не дойдя до него какого-нибудь шага, Вулф попридержал свой аллюр и соизволил заметить посетительницу, поприветствовав ее еле заметным кивком, при этом его голова нагнулась от силы на один градус. Затем Вулф добрался до своего кресла, взгромоздился на него, бросил взгляд на вазу с каттлеями, а затем на утреннюю почту, лежащую под пресс-папье у него на столе, надавил большим пальцем на звонок, чтобы Фриц принес пива, и, откинувшись в кресле поудобнее, вздохнул. Девушка тем временем закрыла журнал, лежавший у нее на коленях, и пристально разглядывала Вулфа сквозь длинные полуопущенные ресницы.

– Ловчен, говорите? – отрывисто бросил Вулф. – Это не ваша фамилия. Таких фамилий нет.

Ее ресницы чуть дрогнули.

– Я сама ее выбрала, – слегка улыбнувшись, ответила девушка. – Так мне удобнее. Сами посудите, стоит ли раздражать американцев фамилией вроде Кральевич?

– Так ваша фамилия Кральевич?

– Нет.

– Впрочем, это не имеет значения. – По какой-то непонятной для меня причине Вулф казался раздосадованным. – Вы пришли, чтобы повидаться со мной?

Мисс Ловчен негромко рассмеялась:

– Вы говорите прямо как монтенегрец. Или черногорец, если вам, как и всем американцам, больше нравится такое название. Правда, вы не очень похожи на жителя Черногории, ведь наши люди растут больше вверх, а не вширь, как вы. Зато, когда вы говорите, я чувствую себя как дома. Именно так черногорцы и обращаются к девушке. Это из-за того, чем вы питаетесь?

Я отвернулся, пряча ухмылку, а Вулф прогромыхал:

– Чем я могу вам помочь, мисс Ловчен?

– Ах да. – В ее глазах опять отразилась тревога. – Стоило мне вас увидеть, как я забыла все на свете. Я, конечно, наслышана о вас, только вы совсем не похожи на знаменитость. Вы больше похожи на... – Она замялась, потом сложила губки бантиком и продолжила: – Ну, все равно, просто вы очень известны и когда-то жили в Черногории. Как видите, я немало знаю о вас, Hvala Bogu. Так вот, я хочу нанять вас из-за одной крупной неприятности.

– К сожалению, я не...

– Это вовсе не у меня неприятности, – быстро пояснила девушка. – Дело касается моей подруги, которая не так давно приехала в Америку. Ее зовут Нея Тормич. – Длинные черные ресницы затрепетали. – А я Карла Ловчен. Мы вместе работаем в школе Николы Милтана на Сорок восьмой улице. Может, знаете? Школа танцев и фехтования. Не слышали?

– Мы встречались с Милтаном, – ворчливо ответил Вулф. – За столом у моего друга Марко Вукчича. Но боюсь, в настоящее время я слишком занят...

Девушка даже бровью не повела.

– Мы с Неей хорошие фехтовальщицы, – затараторила она. – Фехтовать мы учились в Загребе у самого Корсини – на рапирах, саблях и шпагах. Ну а уж танцы – это совсем просто. Ламбет-уок мы освоили минут за двадцать, а богачей обучаем ему уже за пять уроков, причем за вполне приличную плату. Правда, расплачиваются они с Николой Милтаном, а нам перепадают уже какие-то крохи. Поэтому сейчас, когда Нея влипла в эту дурацкую историю, мы не

можем себе позволить заплатить вам так же много, как некоторые другие. Хотя кое-что заплатим. К тому же мы ведь как-никак из Загреба. Так вот, беда, в которую попала Нея, нешуточная, хотя Нея совершенно ни в чем не виновата, она ведь не какая-нибудь воровка, как думают эти простофили-американцы. Но ее могут посадить в тюрьму, так что, пжалста, поторопитесь...

Вулф скривился, всем своим видом показывая, как ему, при его стойком отвращении к работе, невыносимы подобные уговоры, да еще когда счет в банке исчисляется пятизначной цифрой. Пытаясь остановить поток слов посетительницы, он заговорил увещеваящим тоном:

– К сожалению, я сейчас слишком занят...

Карла Ловчен пропустила его слова мимо ушей:

– Я пришла к вам вместо Неи, потому что у нее сегодня очень ответственный урок, а нам с ней во что бы то ни стало необходимо сохранить эту работу. Но конечно, вам нужно встретиться с ней самой, поэтому вы должны отправиться в школу Милтана. Он как раз назначил сегодня общую встречу, чтобы разобраться со случившимся. Ведь большей нелепицы и вообразить нельзя: заподозрить Нею, что она способна залезть кому-то в карман и украсть бриллианты! Но мне даже страшно подумать, если все закончится тем, что предрекает Милтан... Если бриллианты не возвратят... Впрочем, постойте, я же должна вам рассказать...

Я разинул рот от изумления. Обычно, проведя два часа на ногах в оранжерее, Вулф спускается в одиннадцать утра в кабинет, устраивается в кресле за столом и, благосклонно прислушиваясь к моим мелким колкостям, воздаст должное свежему пиву. Сдвинуть его с места в это время можно с таким же успехом, как десятитонный валун. И вдруг у меня на глазах он приподнялся... И – встал! С неясным бормотанием, которое можно было принять и за извинения, и за проклятия, не взглянув ни на посетительницу, ни на меня, он прошествовал вон из кабинета через дверь, ведущую в прихожую. Мы только проводили его взглядом, после чего Карла

Ловчен повернулась ко мне. Я заметил, что глаза ее широко раскрыты.

– Он что, заболел? – резко спросила она.

Я покачал головой и пояснил:

– Вулф чудаковат. Вполне типичная для него выходка, хотя со стороны может и впрямь показаться, что он нездоров. Впрочем, его недуг не имеет ничего общего с сотрясением мозга или, скажем, с коклюшем. Однажды, когда в том кресле, где вы сейчас сидите, расположился один весьма уважаемый юрист... Что, Фриц?

Дверь, которую захлопнул за собой Вулф, открылась снова, и на пороге возник Фриц Бреннер. Судя по его лицу, он был сбит с толку.

– Пожалуйста, Арчи, загляни на минутку в кухню.

Я поднялся и, извинившись, вышел. В кухне на большом, покрытом клеенкой столе лежали заготовленные к ланчу продукты, однако Ниро Вулф торчал там, обуреваемый отнюдь не внезапно вспыхнувшим любопытством к приготовлению пищи. Он монументально возвышался за холодильником, с лицом, описать которое я не берусь.

– Выпроводи ее! – проревел он, едва я переступил порог кухни.

– О господи! – Честно говоря, я и сам слегка раскипятился. – Она ведь пообещала, что кое-что заплатит. Перед такими словами и аллигатор оттаял бы! Если вы по ее глазам прочли, что ее подруга Нея и в самом деле стибрила те стекляшки, то могли бы, по крайней мере...

– Арчи! – Настолько взбешенным я видел Вулфа едва ли не впервые. – Лишь единожды в жизни мне пришлось улепетывать со всех ног – между прочим, от дамы, причем именно из Черногории. Это случилось много лет назад, но до сих пор каждая клеточка в моем теле помнит этот кошмар как наяву. Я просто не в состоянии описать, какие чувства охватили меня в ту минуту, когда эта черногорка нежным голосом проблеяла: «Hvala Bogu». Выставь ее!

– Но ведь она не...

– Арчи!

Я понял, что препираться с Вулфом безнадежно, хотя понятия не имел, на самом деле он настолько перетрусил или просто юродствует. Я плюнул на все и, вернувшись в кабинет, остановился перед девушкой:

– Мистер Вулф очень сожалеет, но он не сможет помочь вашей подруге. Он слишком занят.

Карла Ловчен слегка откинула голову и недоуменно уставилась на меня. Дыхание ее участилось, а рот приоткрылся.

– Как – не сможет? – пролепетала она. – Нет, он должен!

Она вскочила, и я отступил на шаг под ее сверкающим взглядом.

– Мы же из Черногории! Нея... моя подруга... она... – Негодование просто душило ее.

– Решение окончательно и обжалованию не подлежит, – бесцеремонно оборвал ее я. – Он не хочет браться за ваше дело. Иногда мне удается его переубедить, но всему бывает предел. Кстати, что означает «Hvala Bogu»?

Она недоуменно посмотрела на меня:

– Это значит «Слава Богу». Если я его не увижу, передайте ему...

– Не стоило вам произносить эти слова. Когда черногорка говорит по-черногорски, он с ног до головы покрывается мурашками. Нечто вроде аллергии. Простите, мисс Ловчен, но у вас ничего не получится. Я его знаю от «А» до «У» как облупленного. «У» для него – последняя буква алфавита. Она означает «упрямый как осел».

– Но он... Мне необходимо повидаться с ним, скажите ему...

Упрямства девушке оказалось не занимать. Битых пять минут я уговаривал ее уйти. Мне вовсе не улыбалось прослыть грубияном, ведь если не считать немыслимого произношения, резавшего мой тонкий слух, то ничего против черногорских барышень я не имел. Наконец я закрыл за ней дверь и, вернувшись в кухню, язвительно провозгласил:

– Думаю, опасность почти миновала. Следуйте за мной не отставая, но, если я вдруг заору благим матом, бегите, словно за вами черти гонятся.

Раздавшийся в ответ грозный рык напомнил мне, на какую опасную стезю я ступил, поэтому пару минут спустя, когда Вулф вернулся в кабинет и вновь воцарился в своем кресле, я даже словом не обмолвился, чтобы отстоять свою точку зрения. Вулф молча пил пиво и ковырялся в стопке каталогов, а я проверял накладные от Хёна и делал еще кое-какую привычную работу. Чуть позже, когда Вулф попросил меня приоткрыть окно, я понял, что скандалист уже немножко поостыл.

Напрасно мы – или кто-то из нас – думали, что на сегодня с Балканами покончено. После одиннадцати часов, когда я нахожусь вместе с Вулфом в кабинете, входную дверь посетителям обычно открывает Фриц. Примерно в половине первого он вошел в кабинет и, сделав положенные три шага, объявил о приходе посетителя, который назвался Шталем, а насчет рода своих занятий сказал лишь, что служит в Федеральном бюро расследований.

Я тихонько присвистнул и уважительно произнес:

– Ого!

Вулф слегка приоткрыл глаза и кивнул – сигнал Фрицу впустить посетителя.

По роду своей деятельности нам еще не приходилось сталкиваться с агентом ФБР, и когда тот вошел, я удостоил его высочайшей чести, развернув свой стул на целых сто восемьдесят градусов. Вошедший был субъект как субъект, невысокий, широкоплечий, с умными живыми глазами; пожалуй, только подбородок его немного подкачал, да и ботинки не мешало бы вычистить. Он еще раз представился, пожал руки мне и Вулфу, вынул из кармана кожаный бумажник, небрежно открыл его и улыбнулся Вулфу сдержанно, но дружелюбно.

– Вот, пожалуйста, мое удостоверение, – произнес он хорошо поставленным голосом.

Он вообще отличался прекрасными манерами, словно благовоспитанный страховой агент. Вулф мельком взглянул на удостоверение, кивнул и указал на кресло:

– Чему обязан, сэр?

Казалось, вид у Фэбээровца был извиняющийся.

– Простите за беспокойство, мистер Вулф, но служба есть служба. Я хотел бы спросить у вас, знакомы ли вы с федеральным законом, недавно вошедшим в силу, согласно которому лица, представляющие интересы каких-либо зарубежных ведомств, должны регистрироваться в Госдепартаменте?

– Да, знаком, хотя и не слишком близко. Я знаю о нем из газет, прочитал не так давно.

– Значит, вам известна его суть?

– Да.

– Вы зарегистрировались, как там сказано?

– Нет. Я же не агент какого-либо зарубежного ведомства.

Фэбээровец закинул ногу на ногу.

– Закон действует по отношению к представителям любых иностранных фирм, частных лиц и организаций, а также зарубежных правительств.

– Именно так я и понял.

– Он применим как к приезжим, так и к гражданам США. Вы гражданин Соединенных Штатов?

– Да. Я здесь родился.

– Вы состояли какое-то время на службе у австрийского правительства?

– Да, очень короткое время, еще в юности. Но тогда я жил не здесь, а за границей. Впрочем, я уволился довольно быстро.

– И служили в черногорской армии?

– Да, но несколько позже, хотя тоже еще в юности. В те дни я свято верил, что всех жестоких и злых людей следует убивать, и даже умертвил нескольких сам. Тогда, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, я, между прочим, чуть не умер от голода.

Фэбээровец испуганно встрепенулся:

– Извините, не понял.

– Я сказал, что чуть не умер тогда от голода. Вторглись австрийцы, и мы сражались против пулеметов голыми руками. В принципе, я был ходячим мертвецом, ведь человек не может жить, питаясь одной сухой травой. Но я все-таки выжил. Поесть по-человечески мне довелось, только когда Соединенные Штаты вступили в войну и я отмахал пешком добрых шестьсот миль, чтобы завербоваться в американский корпус. По окончании войны я вернулся на Балканы, развеял там еще одну иллюзию и окончательно возвратился в Америку.

– Hvala Bogu, – весело вставил я.

Шталь ошарашенно вскинул голову:

– Простите? Вы черногорец?

– Не совсем. Я родом из Огайо. Огайец, так сказать, чистейших кровей. Это у меня нечаянно вырвалось.

Вулф не удостоил меня вниманием и продолжил:

– Мистер Шталь, другому человеку я сказал бы, что не потерпел бы попытки копаться в моем прошлом. Но вы для меня не кто попало. Вы – представитель ФБР. В сущности, вы – сама Америка, соблаговолившая посетить мой кабинет, чтобы кое-что обо мне разузнать. Я глубоко благодарен своей стране за некоторые любезные мне традиции, которые она до сих пор ухитрялась не растерять... Кстати, хотите пропустить стаканчик американского пива?

– Нет, благодарю вас.

Вулф нажал на кнопку, откинулся в кресле и хрюкнул, затем изрек:

– Теперь, сэр, отвечу на ваш вопрос. Нет, я не представляю интересы какого-либо иностранного ведомства, компании, частного лица, организации, диктатора или правительства. От случая к случаю мне, как профессиональному сыщику, самому приходится наводить справки по запросам из Европы, главным образом от моего английского коллеги мистера Этельберта Хичкока из Лондона. И время от времени он делает то же для меня. В данный момент я

ничего не расследую. И я не работаю ни на мистера Хичкока, ни на кого-то другого.

– Понятно. – Казалось, Шталь верил каждому его слову. – Что ж, вы объяснились вполне определенно. Но вот насчет ваших прежних походов в Европе... Если можно спросить... Словом, вы знаете некоего князя Доневи́ча?

– Знал очень давно. По-моему, он сейчас при смерти. В Париже, кажется.

– Я не его имею в виду. А разве нет другого князя Доневи́ча?

– Есть. Племянник старика Петера. Князь Стефан Доневи́ч. Если не ошибаюсь, он живет в Загребе. Когда я там был в тысяча девятьсот шестнадцатом году, ему едва исполнилось шесть лет.

– А в самое последнее время вам не доводилось общаться с ним?

– Нет. Ни недавно, ни вообще когда-либо.

– Вы не посылали ему денег – ему лично, или через кого-нибудь из какой-либо организации, или, может, еще с какой-то оказией, которую он предоставил?

– Нет, сэр.

– Но ведь вы переводите деньги в Европу?

– Перевожу. – Вулф состроил гримасу. – Это мои собственные средства, которые я зарабатываю своим трудом. Я поддерживал лоялистов в Испании. Иногда я посылаю деньги в... если перевести на английский, то это звучит как Союз югославской молодежи. Но все это, конечно, никак не связано с князем Стефаном Доневи́чем.

– Возможно. А как насчет вашей жены? Вы ведь были женаты?

– Нет. Женат? Нет! Это было... – Вулф заерзал в кресле, словно из последних сил сдерживал себя. – Сэр, мне крайне неприятно, но вы приближаетесь к той опасной грани, когда даже коренной и благочестивый американец может того и гляди послать вас к черту.

– Я бы, например, точно вас послал, – поспешил вставить я, – хотя индейской крови во мне лишь одна шестьдесят четвертая.

Фэбээровец улыбнулся и вытянул ноги.

– Думаю, – добродушно сказал он, – вы не станете возражать против того, чтобы изложить все, о чем мы беседовали, в письменном виде и расписаться.

– Если так нужно, пожалуйста.

– Очень хорошо. Итак, вы не представляете никакого иностранного ведомства, ни прямо, ни косвенно?

– Совершенно верно.

– Тогда это все, что нас интересовало. Пока, во всяком случае. – Он поднялся. – Большое спасибо.

– Не за что. До свидания, сэр.

Я проводил Шталя и лично распахнул дверь перед «самой Америкой», чтобы убедиться, что она непременно окажется по ту сторону двери. Вулф может сколько угодно миндальничать, но что до меня, то я не люблю, когда незнакомые личности суют нос в мою личную жизнь, не говоря уже о жизнях остальных ста тридцати миллионов американских верноподданных.

Когда я вернулся в кабинет, Вулф сидел, закрыв глаза.

– Вот видите, что получается, – упрекнул я его. – За последние три недели вы отказались от девяти дел, и все из-за того, что вам пару раз обломилось по жирному куску, в результате чего счет в банке непривычно распух. Я ведь еще не считаю эту бедненькую черногорку, подруга которой питает слабость к бриллиантам, вполне, на мой взгляд, естественную. Вы огульно отказались расследовать все дела, что вам в последнее время предлагали. И вот пожалуйста! Америка стала вас подозревать, ведь это так не по-американски – не делать деньги всякий раз, когда выпадает возможность. Вот она и напустила на вас фэбээровскую ищейку, и теперь, видит Бог, вам придется заняться расследованием уже ради собственной шкуры! Вам не нужно...

– Заткнись, Арчи! – Вулф открыл глаза. – Ты вообще жалкий вун. С каких это пор в твоих жилах потекла индейская кровь?

На счастье Вулфа, прежде чем я подобрал реплику, которая сразила бы его наповал, явился Фриц и сообщил, что ланч готов. Я

уже знал, что Фриц приготовил фаршированные утиные грудки, а потому решил пока пощадить распоясавшегося бездельника, и стрелой помчался на кухню.

Глава 2

Во время трапез Вулф, как правило, не только помалкивает о делах, но и вообще выкидывает из головы все, что хоть мало-мальски относится к работе. Однако в этот день, похоже, интерес к еде уступил у него место каким-то мыслям. Я, правда, хоть убейте, не понимал, о каких делах он мог ломать голову, если и дела-то никакого у нас тогда не было и в помине. Вулф лихо расправился с остатками трех уток – вчера с нами ужинал его друг Марко Вукчич, – с привычной ловкостью разрывая кости и вгрызаясь в сочную мякоть отполированными белоснежными зубами, однако выглядел он довольно рассеянным. В связи с этим ланч несколько затянулся. Было уже почти два часа, когда мы покончили с кофе и вперевалку вернулись в кабинет. Вперевалку, разумеется, шел Вулф, тогда как я вышагивал очень даже бодро.

В кабинете, вместо того чтобы заняться каталогами орхидей или какими-либо иными забавами, Вулф откинулся в кресле и, сплетя пальцы поверх необъятного местоприемника уток, закрыл глаза. В беспамятство, правда, не впал. За тот час, что он так просидел, я несколько раз видел, как он втягивает и выпячивает губы, из чего заключил, что его мозг напряженно трудится.

Неожиданно Вулф разлепил губы и заговорил:

– Арчи, почему ты сказал, что эта девушка хотела позаимствовать книгу?

Выходит, мысли его были прикованы к черногорским барышням.

– Да это я так просто, – небрежно махнул я рукой, – подразнить вас решил. Пустое.

– Нет. По твоим словам, она спрашивала, не читаю ли я эту книгу.

– Да, сэр.

– И не штудирую ли ее.

– Почти. Да, сэр.

– И не читаешь ли ее ты.

– Да, сэр.

Он чуть приоткрыл глаза:

– Ты догадался, что таким образом она старалась выяснить, не взбрет ли в голову кому-нибудь из нас заглянуть в ближайшее время в ту книгу?

– Нет, сэр. Мне было не до того. Я сидел за столом, а она стояла рядом, такая изящная и соблазнительная, что я с головой погрузился в созерцание ее форм.

– Это рефлекс, за который отвечает не головной мозг, а спинной. Значит, ее заинтересовала «Объединенная Югославия» Хендерсона?

– Да, сэр.

– А где была эта книга, когда ты вернулся в кабинет?

– На полке, на своем обычном месте. Мисс Ловчен сама ее туда поставила. Для черногор...

– Пожалуйста, достань ее.

Я пересек комнату и, сняв с полки книгу, протянул ее Вулфу. Тот заботливо протер переплет ладонью – он всегда так поступает, обращаясь с книгами, – затем повернул томик лицевой стороной к себе, крепко сжал и, подержав так некоторое время, резко отпустил. Открыв после этого книгу примерно в середине, он извлек из нее сложенный листок бумаги, засунутый между страницами, развернул и принялся читать. Я сел и крепко закусил губу, от души желая, чтобы это помогло мне удержать слова, которые так и рвались наружу. Признаться, задача оказалась не из легких.

– Так оно и есть, – самодовольно произнес Вулф. – Прочитать тебе, что здесь написано?

– Сделайте одолжение, сэр.

Вулф кивнул и начал нести такую тарабарщину, что у меня волосы встали дыбом. Зная, что он только того и ждет, чтобы я прервал его, прося о пощаде, я набрался терпения и снова прикусил губу. Когда он наконец остановился, я хмыкнул:

– Все это прекрасно, но признаться мне в любви она вполне могла и лично, вместо того чтобы изливать душу на бумаге, да еще и

прятать между страницами книги. Особенно меня пленили последние слова о том, какой я умный и привлекательный...

– И уж тем более ей не стоило писать такое по-сербско-хорватски. Арчи, тебе знаком этот язык?

– Нет.

– Тогда, пожалуй, я переведу тебе, что здесь написано. Документ датирован двадцатым августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года, а написан в Загребе, на гербовой бумаге князя Доневиича. В нем говорится примерно следующее: «Предъявитель сего, моя жена, княгиня Владанка Доневиич, сим уполномочена безоговорочно действовать и высказываться от моего имени, удостоверить своей подписью, которая следует ниже моей собственной, мои имя, честь и достоинство во всех финансовых и политических делах, имеющих отношение ко мне и ко всей династии Доневиичей, и прежде всего – в поставках боснийского леса и размещения некоторых кредитов через нью-йоркскую банковскую компанию „Барретт и Дерюсси“. Я сам и от имени всех заинтересованных лиц ручаюсь за ее преданность делу и добропорядочность». – Вулф сложил документ и накрыл его ладонью. – Подписано Стефаном Доневиичем и Владанкой Доневиич. Подписи нотариально заверены.

Не спуская с него глаз, я сказал:

– Очень интересно. Он даже не пожалел двадцати центов на нотариуса. Меня вот что волнует. Откуда вы знали, что в книге спрятан этот документ?

– Я ровным счетом ничего не знал. Но то, что она у тебя выпрашивала...

– А-а, конечно. Ее расспросы разожгли ваше любопытство. Не заливайте! Что же, по-вашему, эта девица – балканская княгиня?

– Не знаю. Стефан женился всего три года назад. Кстати, о его свадьбе я узнал из этой самой книги. И хватит допекать меня, Арчи! Я уже сыт по горло твоим зубоскальством. Мне и так не нравится вся эта история.

– Что же именно вам не нравится?

– Ничего. Терпеть не могу международные интриги! Ничего грязнее в мире нет. Я весьма поверхностно представляю себе ту кутерьму, которая сейчас творится на Балканах, но даже поверхностному наблюдателю видно, как разъедают страну личинки коррупции. Регент, правящий в Югославии, лицемерно ищет дружеского расположения отдельных народов. Сам он из династии Карагеоргиевичей. Князя Стефана, ставшего после смерти старого Петера главой рода Доневичей, тоже используют определенные иностранные круги, а он сам прибегает к их помощи для достижения своих честолюбивых замыслов. И вот полюбуйся! – Вулф хлопнул по бумаге ладонью. – Что они протащили в Америку! Если только эта бумажка поможет с ними разделаться, я так и поступлю!

Вулф запыхтел и в сердцах сплюнул. За все годы, что я прожил с ним под одной крышей, мне лишь раз довелось видеть подобную выходку с его стороны.

– Тьфу, пропасть! Поставки боснийского леса от Доневича! С той самой минуты, как я увидел эту девицу и услышал ее голос, я сразу понял, что рядом поселился дьявол. Чтоб им всем провалиться и гореть в геенне огненной! Пересечь океан, ступить на американский берег, заявиться сюда, в мой кабинет, да еще опоганить мою книгу этой мерзостью!..

– Успокойтесь! – Я попытался урезонить не на шутку разбушевавшегося Вулфа. – Вдохните глубоко три раза. В конце концов, откуда вы знаете, что именно она сунула сюда эту бумажку? С тех пор как вы в последний раз брали эту книгу с полки, здесь перебивало столько народа, что кто-то запросто мог...

– Кто? Когда?

– Господи, да откуда я знаю! Ну вот, например, Вукчич, он ведь тоже черногорец...

– Пф! Вздор!

– Ну хорошо, – махнул я рукой, – пусть это происки нашей черногорки, пусть даже она и есть та самая зловредная и ужасная балканская княгиня – дальше-то что? По-вашему, она связалась

здесь со всяким сбродом и теперь к нам заявится мистер Шталь с ордером на обыск, найдет эту бумажку, закует вас в кандалы и заточит в темницу? Или она провокатор? Подсадная утка? А может, вы полагаете, что она стянула у настоящей княгини эту писульку и привезла ее сюда, чтобы выгодно загнать?..

– Арчи...

– Да, сэр.

– Напиши на конверте: «Мисс Карле Ловчен, школа Николы Милтана». Адрес уточни в телефонном справочнике. Запечатай в конверт эту бумагу и немедленно отправь по почте. Я не желаю, чтобы она оставалась здесь ни минуты. Мне это ни к чему. Я, конечно, пересылаю кое-какие деньги этим отчаянным сорвиголовам-черногорцам. Уж мне-то хорошо известно, какво храбриться на пустой желудок, но, в конце концов, это их головная боль, а не моя. Это первое... Что там, Фриц?

В кабинет вошел Фриц Бреннер, отмерил положенные три шага и доложил:

– Сэр, вас хочет видеть некая молодая особа, мисс Карла Ловчен. Я поперхнулся. Вулф прищурился.

Фриц выжидательно застыл. Ему пришлось простоять так добрых две минуты. Вулф все это время сидел неподвижно, как скала, сложив бантиком губы, лоб его изрезали хмурые складки. Наконец он выдавил:

– Где она?

– В гостиной, сэр. Я ведь считаю...

– Закрой дверь и подойди сюда. – Фриц повиновался, а Вулф тем временем повернулся ко мне. – Напечатай на конверте адрес Сола Пензера и наклейте марку.

Я достал пишущую машинку и выполнил указание. Наклеивая на уголок конверта марку, я бросил:

– Заказным или срочным?

– Ни тем ни другим. Еще одно достоинство Америки: почту у нас доставляют быстро и не вскрывают. Дай-ка мне конверт. – Он сунул в

него сложенный документ, лизнул оклеенный край и надавил на него. – Фриц, отправляйся к ближайшему почтовому ящику, что стоит на углу, и брось письмо. Сразу же, не мешкай!

– Молодая особа...

– Мы ею займемся.

Фриц удалился. Вулф дождался, пока не хлопнула парадная дверь, после чего обратился ко мне:

– Не забудь позвонить Солу и предупредить о письме. Пусть бережет его как зеницу ока. – Он подтолкнул ко мне «Объединенную Югославию». – Убери книгу, а потом приведи сюда эту девицу.

Я поставил книгу на место и отправился в гостиную звать посетительницу.

– Проходите, пожалуйста. Простите, что заставили вас ждать.

Пропуская ее вперед, я успел воздать должное ее фигуре, изящной поступи и горделивой посадке головы. Теперь я смотрел на нее уже другими глазами, как на возможную княгиню. Впрочем, самым ярким впечатлением для меня так и осталось ее «пжалста». Однако по здравом размышлении, припомнив все виденные прежде фотографии всяких принцесс, как девушек, так и более зрелых представительниц августейших фамилий, я засомневался в княжеском происхождении посетительницы и готов был допустить, что документ она попросту стянула у его законной обладательницы.

Мисс Ловчен села в кресло, поблагодарила меня, и я вернулся за свой стол. Меня так и подмывало предупредить ее, чтобы она не вворачивала словечек вроде «Hvala Bogu», но потом я решил, что Вулф сейчас не в том настроении, чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Он возвышался в кресле, поедая ее глазами.

– Мисс Ловчен, – сухо начал Вулф, – сегодня утром я передал вам через мистера Гудвина, что не смогу помочь вам, вернее – вашей подруге.

– Я поняла, – кивнула она. – Вы меня ужасно разочаровали, ведь мы из Югославии, а вы тоже там жили, насколько нам известно. В этой стране мы чужие, и на чью-либо помощь нам рассчитывать не

приходится. – Она подняла ресницы и посмотрела на Вулфа в упор темными глазами. – Я рассказала обо всем Нее, своей подруге, и она тоже страшно огорчилась, поскольку неприятности, о которых идет речь, в высшей степени серьезные. Мы обсудили все и решили, что только вы можете вызволить нас из беды.

– Нет! – отрезал Вулф. – Я не могу взяться за это дело. Но позвольте спросить...

– О, пжалста! – перебила она. – Вы должны сразу же взяться за дело. В пять часов они уже соберутся, чтобы решать, что делать, а тот человек ведь не просто круглый болван – такие, как он, вечно чинят всем неприятности. Послушайте, случилось страшное недоразумение. Кроме как к вам, нам не к кому обратиться. В общем, мы все обсудили, и я поняла, что нам остается только назвать вам главную причину, по которой вы должны непременно нам помочь. Нея согласилась. Да и что ей оставалось? Дело в том, что моя подруга, Нея Тормич... Словом, она ваша дочь.

Вулф вытаращил глаза. Таким я его еще не видел. Поскольку зрелище было не из приятных, я поспешил перевести изумленный взгляд на девушку.

– Моя дочь?! – взорвался Вулф. – Что за околесицу вы несете!

– Я утверждаю, что Нея – ваша дочь.

– Моя дочь... – Вулф лишился дара речи. Наконец голос у него прорезался снова. – Вы же говорите, что ее фамилия Тормич.

– Да, в Америке ее зовут Нея Тормич. Так же, как меня – Карла Ловчен.

Вулф, выпрямившись, пожирал ее глазами. Девушка стойко выдержала его взгляд. Так они и пялились друг на дружку.

– Вздор! Не верю! – наконец выпалил Вулф. – Моя дочь бесследно исчезла. У меня нет дочери.

– Вы не видели ее с тех пор, как ей исполнилось три года. Верно?

– Да.

– А стоило бы. Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда. Она очень хорошенькая. – Карла открыла сумочку и порылась в ней. – Я

подозревала, что вы мне не поверите, поэтому прихватила с собой один документ. Мне его дала Нея. – Она протянула Вулфу какую-то бумажку. – Вы сами вписали сюда свое имя...

Она продолжала что-то говорить, пока Вулф хмуро изучал бумагу, держа ее под углом к окну, чтобы лучше падал свет. Медленно и внимательно он прочитал документ – и стиснул челюсти. Не спуская с него глаз, я слушал, что говорит мисс Ловчен. Непредсказуемы все-таки эти черногорки! Сперва прячут бумажки в книги, потом извлекают на свет божий свидетельства о рождении. Похоже, мы уже по уши увязли в их делах.

Вулф дочитал бумагу до конца, осторожно сложил ее и спрятал в карман. Мисс Ловчен решительно протянула руку:

– Нет-нет, отдайте документ мне! Я должна вернуть его Нее. Или вы отнесете его сами?

Вулф посмотрел на нее и пробормотал:

– Пока это еще ничего не доказывает. Да, документ подлинный, и там стоит моя подпись. Он и впрямь принадлежал моей дочери. Или принадлежит ей, если она жива. Но кто может знать – вдруг документ украден?

– С какой стати? – Карла пожала плечами. – Ваши подозрения переходят все разумные границы. Документ украли, провезли через океан сюда и – зачем? Чтобы здесь, в Америке, как-то надавить на вас? Помилуйте, вы, конечно, личность замечательная, но уж не настолько. Нет, документ вовсе не украден. Меня послала к вам та самая девушка, о которой в нем идет речь. Она сама попросила, чтобы я предъявила его вам и рассказала, в чем дело. Поймите же, она попала в беду! – Карла гневно сверкнула глазами. – Неужели у вас каменное сердце? Или вы не понимаете, что впервые увидите свою взрослую дочь уже только в тюрьме?

– Не знаю. Думаю, сердце у меня не каменное. Но я и не простофиля. Когда много лет назад я вернулся в Югославию, чтобы найти ту девочку, я так и не сумел ее разыскать. Поэтому мне сейчас трудно судить. Не знаю.

– Но зато ваша Америка ее отлично узнает! Дочь Ниро Вулфа – в тюрьме за воровство! Но только она не воровка! Она ничего не украла! – Карла вскочила и, опершись о стол обеими руками, наклонилась к Вулфу. – Фу!

Она снова уселась в кресло и опять сверкнула глазами – на этот раз в мою сторону, видимо, чтобы я усвоил: никаких исключений нет и не будет. Я подмигнул ей, возможно нарушив тем самым этикет, ведь если гипотеза о ее княжеском происхождении верна, то я мог в самом лучшем случае рассчитывать на роль холопа.

Вулф глубоко вдохнул. Повисла тишина. Я слышал даже их дыхание. Наконец он пробормотал:

– Нелепость какая-то! Вздор! Чушь собачья! Может, вы и научились каким-то трюкам, только в жизни есть фокусы почище. Я многих засадил за решетку, хотя и немало кого уберег от тюрьмы. И вот извольте! Арчи, возьми блокнот. Мисс Ловчен, пожалуйста, расскажите мистеру Гудвину подробнее о той беде, в которую попала ваша подруга. – С этими словами Вулф откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Она принялась рассказывать, а я записывал. Дело было темное, и мы могли здорово погореть на доверии к неведомо чьей дочери. Обе девушки преподавали в школе-студии танцев и фехтования Николы Милтана, расположенной на Восточной Сорок восьмой улице. Клиентура школы была сплошь привилегированная, и цены за уроки – соответственные. На работу девушек устроил Дональд Барретт, сын Джона П. Барретта из банковской компании «Барретт и Дерюсси». Уроки танцев проводились в отдельных комнатах. Фехтовальные залы находились этажом выше; их было три – один большой и два поменьше. При них размещались также две раздевалки – мужская и женская – с запирающимися шкафчиками, где клиенты переодевались в защитные костюмы. В школе брал уроки фехтования некто Нэт Дрисколл – Карла произнесла его имя как «Наот» – богатый толстяк средних лет. Вчера днем он заявил Николу Милтану, что после урока фехтования, который ему давала

Карла Ловчен, он увидел в мужской раздевалке около раскрытого шкафчика другую преподавательницу фехтования, Нею Тормич, которая якобы вешала на место его, Дрисколла, пиджак. По его словам, Нея затем закрыла дверцу шкафчика и вышла из раздевалки через дверь, ведущую в коридор. Он поспешил проверить свои вещи и убедился, что золотой портсигар и бумажник находятся в целости и сохранности, в тех же карманах, где он их оставил. Однако, лишь одевшись, он вспомнил о бриллиантах, которые тоже лежали в кармане, в коробочке из-под пилюль. Коробочка исчезла вместе с камешками. Он тщательно обшарил все карманы, но тщетно. И потребовал, чтобы пропажу немедленно вернули.

Мисс Тормич, которую вызвал Никола Милтан, твердила, что знать ничего не знает ни о каких бриллиантах, и начисто отрицала, что вообще открывала шкафчик мистера Дрисколла или хоть пальцем прикасалась к его одежде. Она заявила, что обвинение возмутительно, неслыханно и насквозь лживо. Она вообще не заходила в раздевалку. Но и зайти она туда по какой-либо причине, то ни за что на свете не стала бы шарить в шкафчиках клиентов. А если бы и вздумала копаться в одежде, то уж только не в одежде мистера Дрисколла. У нее в голове не укладывается, с какой стати она могла интересоваться содержимым его карманов. Негодованию мисс Тормич, вполне справедливому, не было границ.

Нею обыскали. Это проделала Жанна Милтан, супруга Николы Милтана. К этому времени Милтан допросил всех, кто находился на другом этаже, как служащих, так и клиентов. Пропажу разыскивали повсюду. Дрисколл утверждал, что Нея Тормич стояла боком к нему, когда он увидел ее возле своего шкафчика, и на ней был фехтовальный костюм. Обе девушки – и Нея, и Карла – категорически потребовали, чтобы их снова обыскали, прежде чем они отправятся домой. Милтан чуть не обезумел от угрозы такого удара по репутации своего заведения, а потому отчаянно сопротивлялся требованию Дрисколла вызвать полицию и преуспел в этом. Сегодня утром он битых два часа чуть ли не на коленях

умолял Нею сознаться в содеянном и рассказать, где находятся бриллианты и что она с ними сделала, но ответом ему было лишь надменное и презрительное молчание, чего единственно и заслуживали его гнусные предположения. В отчаянной попытке выпутаться, не прибегая к помощи полиции и желая избежать огласки, Милтан назначил сегодня на пять часов в своем кабинете встречу всем, кто находился вчера в его школе. В присутствии Неи он сказал своей жене, что намерен обратиться за помощью к Ниро Вулфу. Нея, зная, что Ниро Вулф – ее отец, тут же решила, что прославленный сыщик должен выступить в ее интересах, но по вполне понятным причинам вовсе не собиралась раскрывать отцу свое происхождение, поэтому наказала Карле, которая сразу же отправилась к Вулфу, ничего пока не разглашать.

Вот и все, что мне удалось узнать. Мисс Ловчен, взглянув на свои часики и отметив, что уже без пяти четыре, потребовала, чтобы Вулф как можно скорее отправился вместе с ней.

Не шевельнув даже пальцем, Вулф, по-прежнему сидевший с закрытыми глазами, пробурчал:

– Почему же мистер Дрисколл не поймал мисс Тормич с поличным, когда увидел свой пиджак у нее в руках?

– Он был абсолютно голый. Он шел из душа.

– Неужели он настолько толст и безобразен, что предпочитает лишиться бриллиантов, лишь бы не попасться кому-то на глаза нагишом?

– По его словам, он очень скромный. Он сказал, что буквально онемел от удивления, а Нея действовала быстро и почти сразу вышла из раздевалки. К тому же бумажник и портсигар оказались на месте, а о бриллиантах он поначалу забыл и вспомнил, уже только одевшись. А вообще-то, он, разумеется, с вами по габаритам не сравнится.

– Да уж, это как пить дать. У шкафчиков ключи есть?

– Да, но обращаются с ними донельзя халатно. Ключи вечно валяются где попало. Тут сам черт ногу сломит.

– Вы утверждаете, что мисс Тормич не брала бриллиантов?

– Конечно нет! Она никогда не взяла бы их.

– Может, она взяла что-нибудь другое из карманов мистера Дрисколла? Что-нибудь, о чем он и думать забыл. Письма, документы, да хотя бы просто леденцы?

– Нет. Она ничего не брала.

– Но в раздевалку она заходила?

– Зачем ей было туда заходить?

– Я не знаю. Так входила или нет?

– Нет.

– Просто фантастика! – Кажется, Вулф вот-вот откроет глаза. – Вам давно известно, что мисс Тормич – моя дочь?

– Я всегда это знала. Мы с ней... подруги, и очень близкие. Я знала о вас... о вашем... Словом, я была о вас наслышана.

– Скорее, вы были наслышаны о моих политических пристрастиях. – Неожиданно тон Вулфа посуровел. – Ха! Романтические девушки, которых так и распирает от стремления к подвигам в духе прошлых веков! Ну-ну! Что же, значит, предателям еще перепадают крошки со стола Доневицей?

– Мы... – Ее подбородок дернулся, а в глазах полыхнуло пламя. – На их стороне честь и право! И они добьются признания!

– Скорее, в один прекрасный день они добьются некролога. Глупцы, слепые эгоисты! Вы тоже из рода Доневицей?

– Нет.

Ее грудь бурно вздымалась, по-моему из-за праведного гнева.

– Тогда как вас зовут?

– Карла Ловчен.

– А на родине?

– Сейчас я не на родине. – Она нетерпеливо отмахнулась. – Что все это значит? С какой стати вы меня пытаете? Я же говорю о Нее, вы что, не понимаете? О вашей дочери! Неужели вам до такой степени все безразлично, что вы готовы сидеть сложа руки и

насмехаться? Я же говорю вам, надо срочно что-то предпринять, иначе ею займется полиция!

Вулф выпрямился. Я уже начал удивлялся, что он не встал раньше. Часы на стене показывали две минуты пятого, а ничто на свете – ни пожар, ни наводнение, ни убийство – не могло поколебать привычный распорядок Вулфа: с четырех до шести часов вечера он всегда священнодействовал в оранжерее. Я был потрясен: даже посмотрев на часы, мой шеф продолжал сидеть в кресле.

– Арчи, – неожиданно произнес Вулф, – пожалуйста, проводи мисс Ловчен в гостиную и возвращайся за указаниями.

– Но ведь... – бессвязно залепетала Карла, – это совсем не...

– Прошу вас! – резко перебил Вулф. – Раз уж я берусь за дело, предоставьте его мне. Не теряйте времени и идите с мистером Гудвином.

Я вышел, а она послушно последовала за мной. Я усадил ее в гостиную и, выходя оттуда, плотно затворил за собой дверь. Закрыв я и вторую дверь, вернувшись в кабинет.

– Я опаздываю, – сказал Вулф. – Сейчас уже ничего не успеть. О мистере Дрисколле и всех прочих я судить не могу, пока ты сам не побываешь на месте и не расскажешь мне, как обстоит дело. А мне, прежде чем пойти наверх, придется позвонить в Лондон мистеру Хичкоку. Дай-ка мне книжечку с его личным телефоном. – (Я достал из сейфа записную книжку и протянул ее Вулфу.) – Спасибо. Отправляйся с мисс Ловчен на назначенную встречу. Поговори с мисс Торнич. Из документа следует, что она имеет право носить мою фамилию. А раз так, то я категорически отвергаю даже самую возможность, что она украла бриллианты из пиджака того человека. Исходи из этой предпосылки.

– Мисс Ловчен говорит, что документ нужно вернуть.

– Пока он останется у меня. Пусть на сей счет иллюзий не питает. Ничего не упускай и никем не пренебрегай. Сам Никола Милтан тоже родом из Югославии. Точнее, из южной части Сербии, бывшей Македонии. Присмотрись к мисс Торнич и побеседуй с ней. Первое,

что тебя должно интересовать, – это история с бриллиантами. Второе – та бумага, которую мисс Ловчен спрятала в мою книгу. Если ты не сумеешь разобраться с бриллиантами и мистер Дрисколл будет настаивать на том, чтобы привлечь к делу полицию, тогда привези его сюда, ко мне.

– Не сомневайтесь! В каком виде прикажете его доставить? Целиком или по кусочкам?

– Как хочешь, но привези. Ты неплохо поднаторел в таких играх.

– Премного благодарен. Но на самом деле, по-моему, вам лучше дать мне расчет. Со следующей минуты я увольняюсь.

– Откуда увольняешься?

– Отсюда. От вас.

– Вздор!

– Нет, босс, чистая правда. Вы наплели фэбээровцу, что никогда не были женаты. А у вас, оказывается, есть взрослая дочь. Ну и... – пожал я плечами, – я, конечно, не девица-жеманница, но есть же пределы распутству...

– Хватит чушь городить! Отправляйся с ней на встречу. Бедная девочка была сиротой, и я удочерил ее.

– Ничего себе дельце, – недоверчиво покивал я, – и что особенно приятно: все ясно как божий день. Как вы думаете, что сказала бы моя мать... – Тут я заметил его застывшее лицо и понял, что приблизился вплотную к той черте, за которую лучше не переступать, поэтому небрежным тоном спросил: – Это все?

– Да.

Я надел пальто и шляпу в прихожей, помог одеться иноземной княжне, и мы, выйдя на улицу, уселись в «родстер», который я оставил у тротуара. Набирая скорость по пути к Парк-авеню, я про себя отметил, что, видно, Вулф решил до последнего защищать честь своей семьи, коль скоро собрался просадить двадцать зеленых на телефонный звонок в Лондон. Я, правда, никак не мог взять в толк, чем такой звонок может ему помочь.

Глава 3

Поначалу сборище у Николы Милтана, назначенное на пять часов, до боли напоминало какую-то нелепую забаву взрослых людей – бриллианты! кто взял бриллианты? – происходящее было глупо и смешно до слез. Но чуть позже я уже и сам понял, что не все тут так просто.

Дом, куда меня привела мисс Ловчен, внутри оказался приятнее, чем снаружи. Не броский и не кичливый, да и внутреннее убранство не оставляло впечатления, будто все вокруг принарядили исключительно для того, чтобы поразить посетителей. Пока я вышагивал следом за Карлой, которая повсюду высматривала свою подругу Нею, я имел прекрасную возможность поглазеть по сторонам и, естественно, будучи истым сыщиком, не преминул воспользоваться ею. На первом этаже старинного четырехэтажного особняка располагались приемная, главная контора и несколько кабинетов поменьше. Этажом выше тянулся длинный коридор с серым ковром на полу, двери из коридора вели в комнаты для занятий танцами. Еще выше размещалось фехтовальное отделение с двумя залами, но не очень просторными, из которых один был побольше, а другой – поменьше, а также душевые и раздевалки. На последнем этаже располагалась квартира Милтана и его жены. Впрочем, их комнаты мне не показали. Нею удалось обнаружить в женской раздевалке. Карла извлекла ее оттуда в коридор, представила нас друг другу, и мы обменялись рукопожатием. Нея Тормич спросила:

– Вы можете, мистер Гудвин, хоть как-то помочь мне в этой кошмарной истории? Вам удастся пресечь ужасную ложь этого человека? Правда? Вы обязательно должны это сделать! Я так надеялась, что Ниро Вулф... мой отец...

Говорила она словно мурлыча, но все же ее произношение было лучше, чем у Карлы. Слава богу, она ничем не напоминала Ниро

Вулфа, в противном случае ее нужно было бы выставить в балагане. Впрочем, неудивительно – хе-хе! – он же ее только удочерил. У нее, как и у Карлы, были черные глаза и очень стройная фигурка, ну разве что на какой-нибудь дюйм полнее, чем требовалось, однако ее подбородок, да и все лицо смотрелось как картинка. Тем не менее общее впечатление я бы выразил так: «подойди ко мне» и «не тронь меня», причем все одновременно. Поскольку я довольно долго общался с ее отцом, то, наверное, и уделил девушке при первом беглом осмотре куда больше внимания, чем любой другой особе женского пола. С первого взгляда у меня сложилось мнение, что она умна и привлекательна, но с окончательным приговором я решил повременить, пока не узнаю ее получше. Она заметила, что я рассматриваю ее одеяние – некую зеленую хламиду, перехваченную спереди поясом, выглядывающую из-под нее белую холщовую блузку, рейтузы, белые гетры и гимнастические туфли.

– Я как раз давала урок, – сказала она. – По просьбе Милтана. Он не хочет скандала. Да и никто не хочет, кроме этого дуралея Дрисколла. Надо же, какой лгун! У меня на родине знали бы, что с ним делать. Карла сказала, что ему... что отец уже знает про меня, да и вы, наверное, тоже. Только я не хочу лишней огласки. А почему отец сам не приехал?

– Ниро Вулф? О, это тяжелый случай. Почти клинический. Он вообще никогда не вылезает из дому, кто бы его ни просил.

– Но я все-таки его приемная дочь.

– Да, я это понял. Но заметьте, вы в Нью-Йорке уже несколько месяцев, а найти адрес вашего папочки в телефонном справочнике совсем не трудно.

– Но он же меня бросил. Меня всю жизнь учили его ненавидеть. Мне совершенно не хотелось...

– Пока вы не попали в беду. Кажется, вам было три года, когда вы с ним расстались. Впрочем, это не столь важно. Меня послали сюда, чтобы спасти вас от тюрьмы, и время не терпит. Надеюсь, вы

понимаете, что мне необходимо знать правду. Что вы делали с пиджаком Дрисколла?

Ее подбородок дернулся, а глаза испепелили меня на месте.

– Ничего. Я вообще к нему не прикасалась.

– А зачем вы заходили в мужскую раздевалку?

– Я туда не заходила.

– Здесь, в школе, есть какая-нибудь девушка, похожая на вас?

– Нет. Очень похожей нет.

– То есть перепутать вас с кем-либо еще Дрисколл не мог?

– Нет.

– Что вы делали вчера в то время, когда Дрисколл, по его словам, заметил вас в раздевалке около его пиджака?

– Я давала урок мистеру Ладлоу.

– Урок фехтования?

– Да, на шпагах.

– В большом зале?

– Нет, в маленьком, что в конце коридора.

– Кто такой мистер Ладлоу?

– Клиент, который берет у нас в школе уроки фехтования на шпагах.

– Вы уверены, что давали ему урок именно в то время, когда Дрисколл якобы видел, как вы обшаривали его пиджак?

– Уверена. Мистер Дрисколл пришел к Милтану без двадцати пять. Он сказал, что одевался почти пятнадцать минут. Я начала урок с мистером Ладлоу в четыре часа, и, когда Милтан прислал за мной, мы с ним еще занимались.

– И вы ни разу за весь урок не отлучались из зала?

– Ни разу.

Карла Ловчен перебила:

– Но Нея! Ты что, забыла, ведь Белинда Рид заявила, что примерно в половине пятого видела тебя в коридоре?

– Она лжет, – спокойно возразила Нея.

– Но и тот, кто был с ней, тоже тебя видел!

– Он тоже лжет.

«Боже милостивый, – подумал я, – какое счастье, что здесь нет Вулфа и он избавлен от этого зрелища!»

Представляю, каково ему было бы наблюдать, как его дочь делает из себя посмешище! Пока все говорило за то, что воссоединение семьи Вулфа произойдет уже только за решеткой.

– Ну а Ладлоу? – отрывисто бросил я. – Он что, тоже лжет?

Она заколебалась, нахмутив брови, но, прежде чем нашлась что ответить, послышался мужской голос. Его обладатель возник откуда-то со стороны лестницы. Он был примерно моих лет и такого же сложения, с располагающим взглядом светлых глаз, в сером костюме из дорогой ткани, который сидел на нем так, словно был сшит по заказу.

– А я вас искал. – Мужчина подошел к нам и приветливо улыбнулся. – Милтан ждет вас у себя в кабинете. Все по тому же смехотворному делу.

– Мистер Ладлоу, это мистер Гудвин, – сказала Карла Ловчен.

Мы обменялись рукопожатием. Встретившись с Ладлоу взглядом, я невольно проникся к нему симпатией – не потому, что в его глазах читалась искренность или дружелюбие, а потому, что в них светился живой ум.

– Вы тот самый Ладлоу? – на всякий случай уточнил я.

– Совершенно верно. Перси Ладлоу.

– Это с вами мисс Тормич занималась фехтованием вчера во второй половине дня?

– Да, со мной.

– Тогда вас-то мне и надо. Скажите, она безотлучно оставалась с вами с четырех часов до половины пятого?

Он приподнял брови и улыбнулся:

– Одну минутку. Пока мне известно о вас только одно: вас зовут Арчи Гудвин.

– Я представляю интересы мисс Тормич. Она наняла Ниро Вулфа, а я его доверенный помощник.

Перси Ладлоу взглянул на Нею, и та утвердительно кивнула.

– Вот как! Она наняла самого Ниро Вулфа? Это как раз то, что нужно. Я слышал, вчера мисс Тормич заявила, что во время всего урока неотлучно находилась со мной.

– Да. А вы что на это скажете?

Он снова приподнял брови:

– Во всяком случае, я бы не сказал, что мисс Тормич вводит вас в заблуждение. Да и с какой стати? Пойдемте лучше в кабинет Милтана. Дрисколл еще не пришел, но должен появиться буквально с минуты на минуту...

– Так она и в самом деле была все время с вами? – настойчиво спросил я. – Или нет? Если да, то все обвинения Дрисколла в ее адрес теряют силу?

– Ну разумеется, – закивал Ладлоу, – я это прекрасно понимаю. Но к сожалению, еще двое людей заявили, что видели ее в коридоре. – Он вытянул руку. – Вон там, менее чем в десяти футах от входа в раздевалку. И Дрисколл, конечно, тоже это утверждает.

Ладлоу шагнул в сторону, но я преградил ему путь:

– Послушайте, мистер Ладлоу, если вы пообещаете, что будете стоять на своем...

– Дорогой мой, как я могу вам такое пообещать? Дело ведь непростое. Куча народу уже знает об обвинении, выдвинутом против мисс Тормич. А вы в любом случае должны услышать показания других свидетелей. Словом, так или иначе, но вам придется повозиться.

Они дружно направились к лестнице. Поскольку загородить дорогу троим сразу я был не в состоянии, мне пришлось последовать за ними. Меня самого ошеломила абсурдность происходящего. Карла казалась встревоженной, но Ладлоу держался спокойно. Что же до Неи, то ее поведение могло объясняться либо абсолютной уверенностью в собственной невинности, либо ослиным упрямством, а может, и тем и другим, вместе взятым. Рядом с ней шел свидетель, которого следовало умаслить, хотя бы ради

того, чтобы обеспечить достойное алиби, но Нея даже не потрудилась попросить его об этом. Пока я плелся следом за ними вниз по лестнице, а потом и в кабинет Милтана, я все старался придумать, как бы выманить отсюда Дрисколла и затащить к нам на Тридцать пятую улицу, так как, похоже, другого пути не оставалось.

Просторный кабинет Милтана размещался на первом этаже в глубине дома. Пол был застелен широким красным ковром, на котором стояли несколько столов со стульями вокруг них. Стены украшали многочисленные фотоснимки танцоров и фехтовальщиков и еще каких-то людей с колющим оружием, а одна большая фотография изображала Милтана в форме на фоне развешенных там и сям кинжалов и шпаг. О том, что на фотографии снят сам владелец школы, я догадался, когда Карла Ловчен прошла через весь кабинет и представила меня Милтану и его жене. Он оказался невысоким и худощавым брюнетом, не сказать бы – просто коротышкой, с карими глазами и тараканьими черными усищами, торчащими в разные стороны. Выглядел он обеспокоенным и, едва мы пожали друг другу руки, куда-то исчез. А вот его жена, несмотря на нью-йоркские шмотки и модную прическу, точно сошла с цветного фото из журнала «Нэшнл джиографик», подпись под которым гласила: «Крестьянка из Гуигнцжибррзи ведет медведя в церковь». При этом она была весьма привлекательна, если вам нравится такой тип женщин, с живыми пронизательными глазами.

Я остановился возле стеклянного шкафчика, сплошь заставленного разными антикварными вещицами и фехтовальными трофеями. Например, там лежала длинная тонкая штукавина необычного вида с тупым концом, но не рапира, так как надпись на карточке гласила: «Этой эспадой Никола Милтан в 1931 году выиграл в Париже Международный чемпионат». Я огляделся, ища глазами Милтана. Никола стоял в противоположной стороне кабинета, болтая с широкоплечим здоровяком лет около тридцати, ростом шесть футов, с немного вдавленным носом и рассеянным видом. Я пригляделся к нему повнимательнее, ведь если бриллианты Дрисколла каким-то

чудом стянула все же не дочка Вулфа, столь давно им утраченная, то, скорее всего, это дело рук кого-то из присутствующих здесь. До меня донесся голос Карлы Ловчен:

– Послушайте... вы же ничего не делаете.

– А что я могу делать? – пожал я плечами. – Тем более сейчас. И чего ждет Милтан?

– Мистер Дрисколл еще не пришел.

– А он точно придет?

– Конечно. Он согласился до разговора с нами потерпеть и не обращаться в полицию.

– А кто этот малый, с которым разговаривает Милтан?

Карла посмотрела в ту сторону:

– Его зовут Гилл. Он берет уроки танцев. Это он был вчера вместе с Белиндой Рид, когда они увидели в коридоре Нею. Вернее, так они сказали.

– А Белинда Рид – это которая?

– Вон там, возле кресла. Красивая блондинка с янтарными волосами, которая разговаривает с молодым человеком.

– Замечательная парочка. Куколка и фанфарон. Кажется, я видел его в каком-то фильме. Кто он такой?

– Это Дональд Барретт.

– Ага, тот самый сын Джона П. Барретта из фирмы «Барретт и Дерюсси», который устроил вас сюда работать – вас и Нею?

– Да.

– А те девицы?

– Ну... те три, что в углу, и та, что примостилась на краю стола, преподают танцы. Ту, что разговаривает с миссис Милтан, зовут Зорка.

Я изогнул бровь:

– Зорка?

– Да, очень известная кутюрье. Платья от нее идут долларов за четыреста. Это больше двадцати тысяч динаров.

– Чем-то она напоминает мне висящую у нас дома картинку из Библии, на которой изображена женщина, отрезающая Самсону волосы. Я запомнил, как ее звали, но точно не Зорка. А бриллиантами она в своем салоне не приторговывает?

– Не знаю.

– Впрочем, те бриллианты она уж точно не стала бы продавать. А кто вон тот неандерталец без подбородка?.. Нет, подождите. Милтан собирается что-то сказать.

Чемпион по эспаде, сопровождаемый Перси Ладлоу, вышел на середину комнаты, пытаясь привлечь к себе взоры собравшихся. Ему это не очень удалось, и он несколько раз громко хлопнул в ладоши, обращая на себя внимание тех, кто еще не пожирал его глазами. Две девицы все равно продолжали разговаривать, и жена Милтана зашикала на них.

– Господа, прошу внимания! – Голос у Милтана был такой же встревоженный, как и весь его вид. – Леди и джентльмены! Как видите, мистера Дрисколла еще нет. Очень неприятно заставлять вас ждать, но он должен быть здесь с минуты на минуту. А пока несколько слов хочет сказать мистер Ладлоу.

Перси Ладлоу окинул собравшихся неподражаемо надменным взглядом.

– Господа, – безмятежным тоном заговорил он, – лично я, право, не понимаю, почему мы должны непременно дожидаться Дрисколла. Он ведь заварил всю эту кашу, пусть сам ее и расхлебывает. Я хочу, чтобы вы выслушали мою версию происшедшего, ведь вам известно о том, какое нелепое обвинение выдвинул Дрисколл против мисс Тормич. Чтобы вам легче было меня понять, обратите внимание на мой костюм. Вчера я был одет точно так же. Вы не замечаете в этом костюме чего-нибудь особенного?

– Разумеется, – раздался голос, произнесший «р» так раскатисто, что воздух завибрировал, словно крылышки мотылька. – Я заметила.

– Что же вы заметили, мадам Зорка? – улыбнулся Ладлоу.

– Я заметила, что ваш костюм сшит из точно такой же ткани, что и костюм мистера Дрисколла, в котором он был вчера.

Разом откликнулись еще два женских голоса:

– Да, точно! И я заметила!

– Похоже, – кивнул Ладлоу, – нам с Дрисколлом пришлось по душе один и тот же портной. – Голос у Ладлоу звучал так, словно его ужасно удручало такое совпадение вкусов. – Материал наших костюмов совершенно одинаковый. Удивляюсь, что вчера ни один из вас не обратил на это внимания. Может, кто-то и говорил об этом, но не при мне. Именно из-за этого совпадения Дрисколл, увидев, как мисс Тормич подошла к моему шкафчику, чтобы достать из кармана моего пиджака сигареты, решил, что она роется в его костюме. Ведь наши шкафчики расположены рядом.

Последовал шквал восклицаний. Все разом посмотрели на Нею Тормич и затем снова на Ладлоу. Я почувствовал, как пальцы Карлы Ловчен впились в мой локоть, но мне было не до того, я старался ничего не упускать и быть готовым к любым действиям.

Ладлоу тем же легкомысленным тоном продолжил:

– Вчера, когда Дрисколл неожиданно предъявил мисс Тормич свое немыслимое обвинение, она, естественно, была ошарашена и, сбитая с толку его наскоком, почему-то принялась отрицать, что заходила в раздевалку. Когда я услышал об этом, я и сам немного опешил. Начни я тогда опровергать ее, впечатление сложилось бы самое неблагоприятное, поэтому, чуть поколебавшись, я поддержал ее утверждение, будто она ни на минуту не отлучалась из фехтовального зала в конце коридора, в котором проходили наши занятия. Но дальнейший ход событий ясно показал, что из этой затеи ничего не выйдет. Дрисколл стоял на своем: дескать, он видел возле своего шкафчика именно мисс Тормич. Мисс Рид и мистер Гилл заявили, что примерно в половине пятого заметили ее в коридоре возле двери в раздевалку. Стало ясно, что единственный выход – сказать правду. Так вот, друзья мои, правда эта заключается в том, что во время нашего вчерашнего занятия у моих щитков оторвался

ремешок, его пришлось заменить, нам захотелось выкурить по сигарете, но, как оказалось, мы их с собой не захватили, и вот тогда, пока я возился с ремешком, мисс Тормич взяла у меня ключ от моего шкафчика и отправилась в раздевалку, чтобы принести сигареты.

Я отвел глаза от Ладлоу и впился взглядом в лицо Неи, но оно было непроницаемо. Ни тревоги, ни досады, ни удовлетворения. Я бы сказал, что ее лицо было даже более озадаченное, чем у остальных, но такое вряд ли могло иметь место, а потому я решил, что ошибся. Собравшиеся возбужденно гудели, но гул прекратился, как только Милтан, ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил:

– Понятно! Значит, она все же была в раздевалке!

– Конечно была, – небрежно кивнул Ладлоу, – только рылась она в моем пиджаке, а вовсе не в пиджаке Дрисколла. В этом нет никакого сомнения. Она возвратилась в фехтовальный зал с моими сигаретами и зажигалкой. Мы несколько раз затянулись и продолжили наши занятия и фехтовали до той самой минуты, когда к нам пришли и сказали, что Милтан хочет видеть мисс Тормич...

Ладлоу умолк, но его уже не слушали. Дверь открылась, и в кабинет вошли двое. Первый был седовласый, исполненный достоинства мужчина с приятным лицом, а из-за его спины выглядывал толстяк лет пятидесяти, безбровый и с пухлыми губами. Милтан шагнул им навстречу:

– Мы вас ждем, мистер Дрисколл...

– Прошу прощения... – запинаясь и воровато озираясь, проямлил толстяк. – Извините... э-э... позвольте представить мистера Томпсона, моего адвоката... мистер Милтан...

Пожав протянутую ему руку, седовласый без оговорок и вступлений сразу взял быка за рога:

– Я адвокат мистера Дрисколла. Я счел, что лучше прийти самому, поскольку дело весьма деликатное и щекотливое... Да, чрезвычайно щекотливое... Не будете ли вы так любезны представить меня мисс Тормич? Если позволите...

Милтан исполнил его просьбу. Он казался совершенно сбитым с толку. Адвокат учтиво и почтительно поклонился и также вежливо поблагодарил. Нея стояла молча и неподвижно. Адвокат повернулся к Милтану:

– Эти люди... наверное, те самые, кого мистер Дрисколл... перед кем он обвинил мисс Тормич...

Милтан утвердительно кивнул:

– Мы ждали его, чтобы...

– Я знаю. Мы немного опоздали. Мой клиент решительно не хотел идти сюда, и мне с трудом удалось его убедить, что его присутствие совершенно необходимо. Мисс Тормич, то, что я хочу сказать, прежде всего относится к вам, но и остальным непременно следует меня выслушать ради справедливости по отношению к вам. Итак, прежде всего факты. Когда вчера утром мистер Дрисколл вышел из дому, у него в кармане, в коробочке из-под пилюль, находились бриллианты, которые он намеревался отнести к ювелиру и вправить в браслет. Из конторы он позвонил ювелиру и договорился об условиях. Так вот, эту коробочку с бриллиантами у мистера Дрисколла взяла его секретарша, которая и должна была условиться о том, когда доставить их ювелиру. Бриллианты и сейчас находятся у нее. Со стороны мистера Дрисколла это крайне прискорбно и непростительно, но позже, находясь здесь, он совершенно забыл, хотя и непреднамеренно, что его секретарша...

Залп восклицаний, посыпавшихся со всех сторон, прервал речь адвоката. Он виновато улыбнулся Нее, но та ему не ответила. Дрисколл вынул из кармана носовой платок и промокнул то место, где обычно растут брови, старательно избегая встречаться со взглядами, направленными на него со всех сторон. Милтан прошипел:

– Вы хотите сказать, что это неслыханное... это вопиющее...

– Пожалуйста! – Адвокат поднял руку. – Позвольте мне закончить. Провал памяти, случившийся у мистера Дрисколла, ничем нельзя

оправдать. Но он был искренне убежден, что видел в руках Ней Тормич свой пиджак...

– Это был мой пиджак, – бросил Ладлоу. – Он в точности такой же, как и у мистера Дрисколла. Посмотрите и убедитесь, он и сейчас на мне.

– Понятно. Ну что ж, тем лучше. Это все объясняет. Ваш пиджак находился в том же шкафчике?

– Нет, в соседнем, – строгим тоном поправил Ладлоу. – Но мистеру Дрисколлу следовало бы знать, что прежде, чем бросаться столь убийственными обвинениями...

– Конечно следовало, – с готовностью согласился адвокат. – Его не оправдывает даже то, что оба пиджака похожи как две капли воды. Вот почему я настаивал, чтобы мистер Дрисколл все-таки сам пришел сюда и извинился перед мисс Тормич в присутствии всех вас. Понятно, ему не очень хотелось это делать. Он чувствует себя в высшей степени смущенным и униженным. – Адвокат взглянул на своего клиента. – Итак, мистер Дрисколл?

Дрисколл, сжав в руках носовой платок, посмотрел в лицо Ней Тормич.

– Я прошу у вас прощения, – пробормотал он. – Мне, право, жаль... – Неожиданно он сорвался на крик. – Конечно, мне очень жаль, черт побери!

Вокруг захихикали.

– Еще бы не жаль! – свирепо сказал Никола Милтан. – Да вы могли погубить нас обоих – и мисс Тормич, и меня вместе с ней!

– Я знаю, – сокрушенно промямлил Дрисколл. – Я же сказал, что мне очень жаль, и я прошу прощения у вас и у мисс Тормич.

Адвокат вставил мягко и добродушно:

– Я надеюсь, мисс Тормич... что мы смеем надеяться на ваше прощение? Э-э... может, вы согласитесь дать нам расписку, что не имеете претензий к мистеру Дрисколлу? – Он вытащил из кармана конверт. – Видите ли, я подумал, что и вам в равной степени пригодилось бы письменное извинение мистера Дрисколла в

дополнение к сделанному им сейчас устно, вот я и захватил его с собой... – он достал из конверта лист бумаги, – а заодно и вашу расписку. Там буквально одна-две фразы, просто описание случившегося. Уверен, вы не откажетесь, в свою очередь, подписать такую бумагу...

– Минутку, – встрял я. – Интересы мисс Тормич здесь представляю я.

Адвокат разом насторожился и нахохлился.

– Кто вы, сэр? – резко спросил он. – Адвокат?

– Нет-нет, я не адвокат, но разговариваю по-английски и представляю интересы мисс Тормич. К тому же мы с вами не в суде. Так вот, она ничего подписывать не станет.

– Но, дорогой мой сэр, отчего же? Это же совсем неофициально...

– В том-то и дело. Слишком неофициально. А что, если Милтан злоупотребит случившимся скандалом, хотя ее вины тут нет, и она лишится работы? Или вдруг дело это, которое и выведенного яйца не стоит, получит из-за вашей бумажонки ненужную огласку? Нет-нет, никаких расписок!

– Что до меня, – вставил Милтан, – то я вовсе не собираюсь увольнять мисс Тормич. Тем не менее я полностью согласен с тем, что ничего подписывать ей не нужно. Я и так вполне убежден, что у нее нет желания чинить неприятности мистеру Дрисколлу. – С этими словами он выжидательно посмотрел на Нею.

Та наконец-то раскрыла рот:

– Ни малейшего. – Говорила она на редкость безжизненно, особенно если учесть, что только что избавилась от опасности попасть за воровство в каталажку. Девушка казалась такой безучастной, словно ее мысли витали где-то далеко. – Я никому не причиню зла.

Адвокат сверлил ее взглядом:

– Но, мисс Тормич, в таком случае вы не станете возражать против того, чтобы подписать...

– Черт возьми, оставьте ее в покое! – перебил адвоката его собственный клиент. Тут же Дрисколл, буравя его взором, добавил: – Пропади пропадом все адвокаты! Если бы у меня поначалу не сдали нервы, я бы лучше пришел сюда один! – Он перевел взгляд на Милтана. – Но ведь я извинился! Я же сказал: мне очень жаль! Чертовски жаль! Мне здесь так нравится! Столько лет я толстел и толстел. Стал похож на бочку, черт побери! Я смеялся над всякими упражнениями, школами здоровья и дурацкими играми, в которых здоровенные верзилы, под стать небоскреbam, бросаются мячиком и скачут верхом на лошадях, а тут я сам впервые в жизни начал заниматься до седьмого пота! Фехтовальщик я, наверное, негодный, но фехтование мне нравится! Мне наплевать, подпишет мисс Тормич бумагу или нет. Я хочу одного: чтобы мы с Милтаном остались добрыми друзьями! – Он повернулся к Карле. – Мисс Ловчен! Я и вас хочу считать своим другом! Я знаю, мисс Тормич – ваша подруга, и я веду себя как последний болван. Да я и есть последний болван. Скажите, вы согласны фехтовать со мной? Я хочу сказать – прямо сейчас!

Кто-то тихонько заржал. Послышались смешки. Адвокат величественно молчал. Карла ответила:

– Я работаю у мистера Милтана, сэр, и делаю то, что он мне велит.

Милтан дипломатично заметил, что, мол, само собой разумеется, мистера Дрисколла не выгонят из школы, где он наконец обрел дело по душе. Я потихоньку растворился на заднем плане. К Нее с тонкой улыбкой на устах приблизился неандерталец без подбородка – имени его я не расслышал – светловолосый малый с тонкими губами и выступающим носом. Все время, что длилось разбирательство, он или стоял, или, чеканя шаг, ходил по комнате туда-сюда. Видимо, он сказал Нее что-то приятное, а за ним то же самое повторил Дональд Барретт. Затем к Нее, пройдя через весь кабинет, приблизилась миссис Милтан и дружески похлопала ее по плечу, а потом подошел и Перси Ладлоу. С минуту они о чем-то поговорили, после чего девушка, оставив его, направилась в мою сторону.

– Что ж, – ухмыльнулся я, – превосходное представление! Надеюсь, вы ничего не имели против моего вмешательства? Ниро Вулф никогда не разрешает своим клиентам ничего подписывать, разве что чек об оплате его услуг.

– Да, конечно. Я подошла попрощаться. У меня сейчас урок фехтования с мистером Ладлоу. Спасибо, что пришли.

– У вас глаза блестят.

– У меня? Они всегда блестят.

– Что передать от вас вашему папаше?

– Сейчас, думаю, ничего.

– Вообще-то, вам не мешало бы забежать к нему, чтобы сказать «привет».

– Забегу как-нибудь. Au revoir, до свидания.

– Счастливо.

Развернувшись, она угодила прямо в лапы адвоката, который велеречиво извинился перед ней, а затем обратился ко мне:

– Можно узнать, как вас зовут, сэр?

Я назвал. Он повторил вслед за мной:

– Арчи Гудвин. Спасибо. Позвольте спросить, в качестве кого вы представляете мисс Тормич?

Я разозлился:

– Слушайте, я совершенно согласен, что даже у адвоката есть право на жизнь, но я свято уверен: когда он откинет копыта, в его гроб не полезет ни один уважающий себя червь. Знаете почему? Потому что его тут же заставят подписать какую-нибудь идиотскую бумажку. Если вы не заполучите подпись мисс Тормич на своей бумажонке, с вами случится припадок. Дайте-ка ее мне.

Он по-прежнему сжимал в руке конверт. В ответ на мои слова он извлек из него документ и протянул мне. С первого взгляда мне стало ясно, что его «одна-две фразы» на деле обернулись целыми пятью абзацами, под завязку напичканными юридическими терминами. Я вынул ручку и над пунктирной линией внизу страницы вывел быстрым росчерком: «Королева Виктория».

– Вот, – сказал я, сунул ему бумажку и отошел прочь, пока он не успел опомниться.

Напыщенные люди вообще туго соображают.

Кабинет почти опустел. Жена Милтана стояла возле письменного стола и разговаривала с Белиндой Рид. Карла Ловчен и остальные исчезли. Наверное, девушка отправилась развлекать богатого толстяка, упражняясь с ним на рапирах. Или на эспадах. Снимая с вешалки свое пальто и шляпу, да и потом, блуждая по коридорам и выходя из здания, я размышлял о том, что Дрисколл, должно быть, вознамерился стать классным дуэлянтом.

Мои часы показывали без четверти шесть. Вулф еще наверняка торчал в оранжерее, и хотя он терпеть не мог, когда его беспокоили во время возни с орхидеями, я счел, что мой звонок к работе не относится – дело-то семейное как-никак. Я заглянул в ближайшую аптеку, уединился в телефонной будке и набрал наш домашний номер.

– Алло, мистур Вулф? Говорит мистур Гудвин.

– Ну?

– Ну, я звоню вам из аптеки, расположенной на углу Сорок восьмой улицы и Лексингтон-авеню. Все в порядке. Фарс растянулся на целых три акта. Поначалу она, то бишь ваша дочурка, скорее скучала, чем волновалась. Потом один парень по имени Перси заявил, что она рылась в его пиджаке, а вовсе не в пиджаке Дрисколла. Причем искала не бриллианты, а сигареты. Судя по выражению ее лица, для нее такой оборот событий оказался в новинку. В третьем акте появился сам Дрисколл с вытянутой физиономией и письменными извинениями. Оказывается, в его пиджаке бриллиантов не было и в помине. И ничего у него не украли. Он просто слегка ошибся. С кем не бывает? Он сожалеет, чертовски сожалеет! Так что я еду домой. Могу еще добавить, что на вас она ни капельки не похожа, зато очень хорошенькая...

– Ты уверен, что все до конца прояснилось?

– Абсолютно. Все обожают друг дружку. Я бы, впрочем, не сказал, что для меня все ясно.

– Я поручил тебе два задания. Как насчет второго?

– Никакого просвета. Даже проблеска не видно. Полная безнадега. Народу там было как сельдей в бочке, а потом, когда разборка закончилась, обе жительницы Балкан уже отправились давать уроки фехтования.

– А кто такой этот Перси?

– Перси Ладлоу. Примерно мой ровесник и вообще во многом напоминает меня: учтивый, одаренный, с броской внешностью...

– Ты сказал, что моя... что она как будто скучала. Ты хочешь сказать: она круглая дура?

– Вовсе нет. Я сказал только то, что сказал. Она совсем не проста, это верно, дурой ее не назовешь.

Тишина. Ни слова в ответ. Молчание так затянулось, что в конце концов я не выдержал:

– Алло, масса Вулф, вы еще живы?

– Да. Привези ее сюда. Я хочу ее видеть.

– Я так и знал. Все верно. Чего еще ожидать. Совершенно естественное желание, которое делает вам честь. Именно поэтому я, между прочим, вам и звоню. Как раз собрался рассказать, как в ответ на мой вопрос, не передать ли что для вас, она ответила отказом. Я сказал, что ей не мешает забежать хотя бы поздороваться с вами. Она согласилась, что когда-нибудь так и сделает, но пока вынуждена отказаться, поскольку спешит скрестить шпаги с Перси...

– Подожди, пока она не освободится, и привези сюда.

– Вы это всерьез?

– Да.

– Может, на руках ее принести или...

Вулф повесил трубку. Невежа!

Я зашел в бар с фонтаном, взял стакан грейпфрутового сока и, потягивая его, принялся ломать голову о том, как доставить Нею к

Вулфу, не прибегая к насилию. Так и не придумав подходящего способа, я снова поплелся к ристалищу на Сорок восьмой улице.

В кабинете были только Никола Милтан и его жена. Когда я вошел, мне показалось, что она направлялась в сторону двери, но, увидев, как я снимаю пальто и шляпу и вешаю их на вешалку, передумала. Я объяснил, что хотел бы повидать мисс Тормич, когда та освободится. Милтан предложил мне сесть в кресло неподалеку от его письменного стола, а миссис Милтан открыла дверцу большого стеклянного шкафа и принялась переставлять трофеи с места на место, хотя особой нужды в том не было.

– Я знаком с Ниро Вулфом, – вежливо сказал мне Милтан.

– Понятно, – кивнул я.

– Это поразительный человек! Блистательный!

– Пожалуй, я знаю одного малого, который с вами полностью согласен.

– Только одного?

– По меньшей мере. Его зовут Ниро Вулф.

– Ах вот оно что! Шутка. – Он вежливо посмеялся. – Но я убежден, что найдется еще немало людей, которые разделяют мое мнение. Правда, Жанна?

Его жена издала иностранное восклицание, выражающее то ли удивление, то ли испуг.

– Col de mort, – сказала она, обращаясь к мужу. – Его нет на месте. Ты его куда-нибудь переложил?

– Нет. Я не трогал его. Он лежал здесь... Я уверен...

Милтан вскочил и подбежал к шкафу. Я встал и нехотя последовал за ним. Они вместе уставились на пустое место. Милтан вытянул шею, потом нагнулся, разглядывая все полки по очереди.

– Нет, – сказала его супруга, – там тоже нет. Он куда-то исчез. Больше ничего не пропало. Я давным-давно хотела навесить на дверцу замок...

– Но дорогая... – Милтан, казалось, оправдывался. – Совершенно непонятно, с какой стати кому-то понадобилось брать col de mort.

Это просто диковинная и редкая вещица, но никакой особенной ценности она не представляет.

– А что это за col de mort такой? – полюбопытствовал я.

– Да ничего особенного, маленькая такая вещица.

– Какого рода?

– Ну как вам сказать... просто маленькая штучка... Вот, посмотрите. – Милтан через открытую дверцу сунул руку внутрь шкафа и ткнул пальцем в лежавшую на полке эспаду, указывая на ее лезвие. – Видите? У нее тупой конец.

– Вижу.

– Ну вот, как-то раз, много лет назад, в Париже один человек решил убить другого. Для этого он смастерил маленькую штучку, которую можно было насаживать на конец эспады и у которой был очень острый наконечник. – Он достал из шкафа оружие и качнул в руке. – И вот, надев на эспаду такую насадку, он делает выпад...

Милтан изобразил, как делается выпад, направив клинок в воображаемую жертву возле меня, и проделал это так неожиданно и быстро, что я невольно отпрянул в сторону, чуть не споткнувшись о собственную ногу и испытывая страстное желание поскорее признать Милтана победителем. Затем он так же быстро вернулся в исходное положение.

– Ну вот. – Он улыбнулся и положил шпагу на место. – Теоретически такой удар способен поразить сердце, но в тот раз теорию применили на практике. Эту штучку мне в виде сувенира подарил один полицейский, мой друг. В газетах же вещицу окрестили col de mort. Шея... нет, не шея. Ворот. Воротник смерти. Потому что он надевается на кончик шпаги, словно воротник. Забавно было поиметь такую вещицу, – закончил Милтан.

– А теперь вот она исчезла, – коротко повторила его жена.

– Я все же надеюсь, что не исчезла, – нахмурился Милтан. – С чего бы ей исчезать? И так здесь довольно было разговоров о краже. Найдется. Поспрашиваем всех.

– Надеюсь, вы ее найдете, – сказал я. – Все это довольно странно. Кстати, вы собираетесь расспрашивать об этом, а я как раз собирался спросить у вас, не будете ли вы против, если я поболтаю с кем-нибудь из тех, кто прибирает в фехтовальных залах?

– Но зачем... для чего?

– Да просто чтобы немного поболтать. А кто, кстати, там убирает?

– Консьерж. Но я не могу понять, зачем вам...

Его жена, указав на меня взглядом, прервала его.

– Я думаю, – невозмутимо заявила она, – он хочет выяснить, остались ли сигаретные окурки и пепел в том зале, где фехтовали мисс Тормич и мистер Ладлоу.

Я восхищенно хмыкнул, потом, глядя на нее, произнес:

– Если позволите, миссис Милтан, то я бы сказал, что мог сразу догадаться, что вы большая умница.

Она промолчала, не сводя с меня глаз.

– Что касается меня, – объявил Милтан, – то я не понимаю, зачем вам взбрело в голову разузнавать насчет сигаретных окурков. И уж совсем ума не приложу, как об этом догадалась моя жена. Сам-то я соображаю туговато.

– Ну, при вашем мастерстве обращения с клинком в чем-то другом позволительно и уступать. Так могу я повидать консьержа?

– Нет! – резко ответила Жанна Милтан.

– Почему?

– Я не вижу в этом никакой необходимости. Не знаю, что у вас на уме, но я заметила, как вы не спускали глаз с мисс Тормич, хотя, как все полагали, пришли сюда в качестве ее друга. Если вы хотите узнать, на самом ли деле они курили с мистером Ладлоу, спросите об этом у нее самой.

– Непременно спрошу. Я и сам собирался так поступить. Но чем я могу ей повредить, если потолкую с консьержем?

– Не знаю. Может, и не повредите. Но вчерашний инцидент, на мой взгляд, исчерпан. И без того он наделал немало неприятностей, да и потом еще может нам повредить. Дело крайне деликатное, а уж

в таком месте, как у нас... Одним махом можно все испортить. Даже если вы и впрямь не помышляете навредить мисс Тормич и нам, я все равно предупрежу консьержа, если вам даже удастся до него добраться, чтобы он не отвечал на ваши вопросы. Я говорю с вами прямо. Зайти в оружейную, чтобы осмотреть щитки и проверить, действительно ли в каком-то из них перетерся ремешок, вам тоже не позволят.

– Почему вы решили, что я захочу это сделать?

– Потому что вы не похожи на дурака. А коль скоро вас заинтересовали окурки, то я не сомневаюсь, что вы доберетесь и до порванного ремешка. Я вашего брата знаю, вы народ любопытный.

– Ну хорошо, – пожал я плечами. – Во всяком случае, слово вы выбрали абсолютно точное. Я действительно довольно любопытный. Со временем, знаете ли, и у сыщиков развиваются дурные привычки. Но если вы наслышаны о репутации Ниро Вулфа, то вам должно быть известно, что неприятности от него бывают только у тех, кто сам на них нарывается.

Секунду-другую она не спускала с меня глаз, затем отвела взгляд, закрыла стеклянную дверцу шкафа и снова повернулась ко мне со словами:

– Сегодня утром мой муж сказал, что хочет обратиться к мистеру Вулфу с просьбой расследовать пропажу бриллиантов мистера Дрисколла. Мисс Тормич, которая при этом присутствовала, тут же заявила, что уже наняла Ниро Вулфа вести дело в ее интересах. Почти сразу после этого ее подруга, мисс Ловчен, попросила разрешения отлучиться по какому-то делу. Любопытство присуще не только сыщикам. Я порой тоже излишне любопытна. Если меня спрашивают... – Она запнулась на полуслове, открыв рот и застыв на месте.

Милтан резко повернулся лицом к двери, ведущей в коридор. Я последовал их примеру. До нас долетел такой вопль, что находись мы где-нибудь в джунглях, то перепугались бы насмерть.

Когда донесся второй вопль, мы сломя голову бросились к двери. Милтан опередил нас и, выскочив в коридор, кинулся к лестнице. Мы с его женой побежали за ним. Криков больше не было, но наверху поднялась настоящая суматоха, слышались шаги и возгласы множества людей, а на втором этаже нас задержала целая толпа клиентов и служащих, повыскакивавших из разных комнат в коридор. Милтан неся по ступенькам под стать кенгуру. Я бы не угнал за ним ни за какие коврижки. Когда мы примчались на третий этаж, нам пришлось остановиться. Мы наткнулись на трясущегося чернокожего, которого держал за руки неандерталец без подбородка. Нэт Дрисколл, в рубашке, но без брюк, прыгал вверх-вниз на одном месте. Обе черногорки в фехтовальных костюмах прижались спиной к стене. Зорка, в одном корсете, стояла напротив них, то и дело вскрикивая. Прежде чем мы с Милтаном смогли протиснуться вперед, меня оттеснили в сторону, и рядом возникла Жанна Милтан.

– Что случилось? – воскликнула она таким голосом, который умирил бы и бурю. – Артур! В чем дело?

Чернокожий перестал трястись и, выкатив на нее глаза, что-то пролепетал, но слов я не разобрал. Но она, видимо, все расслышала, поскольку рванулась вперед, как скаковая лошадь. Я поспешил за ней. Она направилась к последней двери в самом конце коридора. Дверь была раскрыта, и Жанна Милтан влетела не останавливаясь и вдруг, увидев, что лежит на полу, замерла как вкопанная. Я в три прыжка очутился рядом. На полу лежал Перси Ладлоу. На боку. Он опрокинулся бы на спину, если бы не упирившийся в пол клинок шпаги, которая пронзала его тело насквозь.

Глава 4

Жанна Милтан сказала что-то на непонятном мне языке и застыла на месте, глядя вниз с окаменевшим лицом. Сзади до меня донесся испуганный возглас Милтана и какие-то другие звуки. Повернувшись, я увидел, что сбежавшиеся люди сгрудились в дверном проеме.

– Выйдите отсюда! – приказал я. – Все до единого! – Я наклонился над телом, чтобы быстро осмотреть его, затем выпрямился и обратился к Жанне Милтан: – Он мертв.

– Я и сама вижу, – раздраженно отозвалась она.

От дверей раздался чей-то визг, и я проорал в ответ:

– Тихо! – Затем я снова повернулся к миссис Милтан. – Кто-то должен остаться здесь, и, конечно, следует немедленно вызвать полицию. Из здания не выходить никому.

– Позвоните в полицию сами, – кивнула она. – Из кабинета. А ты, Никола, останься здесь. Я спущусь в коридор...

Она направилась было к выходу, но я задержал ее:

– Нет, так не пойдет. Лучше вы сами позвоните в полицию. Вы здесь хозяйка, да и труп вы увидели раньше, чем я. А я уж встану у входной двери. Милтан, никого сюда не пускайте.

Он побледнел и проямлил:

– Col de mort...

– Здесь его нет. Кончик шпаги обнажен, и он тупой.

– Этого не может быть. Затупленная шпага не проткнула бы тело насквозь.

– Ничем не могу помочь. Никакой насадки на шпаге нет.

Жанна Милтан зашагала к двери, я последовал за ней. Собравшиеся расступились перед нами. Карла Ловчен хотела мне что-то сказать, но я только помотал головой. Неандерталец вцепился в мой локоть, но я ловко вывернулся и был таков. С нижнего этажа поднимался кто-то еще, и Нэт Дрисколл бросился бежать вдоль

коридора – рубашка развевалась на нем, словно парус. У лестницы я обернулся и прокричал:

– В зал никому не входить! Там на полу лежит труп Ладлоу. И чтобы никто не выходил из здания!

Дональд Барретт направился в мою сторону, а по пятам за ним следовал неандерталец.

– Слушайте, приятели, если бы вы загнали всю ораву вниз в кабинет, это бы здорово облегчило дело.

Пропустив мимо ушей лавиной посыпавшиеся вопросы, я сбежал вниз по ступенькам, за мной поспешила миссис Милтан. Достигнув первого этажа, она скрылась в кабинете, а я подошел к выходу в вестибюль. Меня так и подмывало выскочить на улицу, чтобы добраться до ближайшего телефона и без помех позвонить Ниро Вулфу, но я решил, что такой ход был бы не самым удачным. Еще неизвестно, удалось ли бы мне потом вернуться, а если бы и удалось, то обстоятельства уже могли значительно измениться. Честно сторожить выход сейчас было лучше всего.

С того места, где я стоял, я видел, как разный люд вразброд спускался по лестнице. Почти все шли молча и подавленно, только две преподавательницы танцев тараторили без умолку. Белинда Рид, куколка в шелковом платье с иголки, вместо того чтобы идти в кабинет Милтана, подошла ко мне и заговорщически сказала, что у нее назначено очень важное свидание, которое ни в коем случае нельзя сорвать. Я ответил, что у меня тоже свидание, так что мы с ней в одной упряжке. Тут ко мне приблизился Дональд Барретт, до этого маячивший где-то в стороне, и сказал:

– Послушайте, я знаю, что по уши вляпался в эту свистопляску. История эта дурно пахнет, но что я могу поделать, раз оказался тут. Но мисс Рид... в конце-то концов... вы что, фараон?

– Нет.

– Тогда, приятель, повернитесь ко мне, и давайте потолкуем о погоде, а тем временем мисс Рид выскользнет отсюда и помчится на свое свидание...

– А вы не успеете и глазом моргнуть, как вдогонку ей ринется целая свора ищеек, которые в два счета разнюхают, куда она подевалась, и силой водворят обратно. Нет уж, приятель, не делайте глупостей. Вам когда-нибудь приходилось сталкиваться с убийством? Нет, наверное. Так вот, исчезнуть с места преступления – самое худшее, что вы можете сделать. Полиция от этого звереет. Послушайтесь моего совета и... Одну минутку, мисс Тормич.

В трех шагах от меня остановились обе черногорки. Взгляды, которыми в мгновение ока обменялись все четверо, явно что-то значили для них, но никак не для меня.

– Пошли, Дон, – сказала Белинда Рид.

И они зашагали по направлению к кабинету. Я окинул взглядом обеих иноземных красоток. Карла набросила поверх фехтовального костюма какой-то длинный балахон с пуговицами. На Нее была прежняя зеленая хламида, так же аккуратно запахнутая, а одна рука девушки пряталась в складках.

– Для разговоров нет времени! – резко бросил я. – Возможно, вы обе влипли. Не знаю. Но я хочу задать вам прямой вопрос, и от вашего честного ответа, может быть, зависит ваша жизнь. – Я перехватил взгляд Неи. – Я вас спрашиваю: это вы его убили?

– Нет.

– Повторите еще раз. Не вы?

– Нет, не я.

Я перевел взгляд на Карлу:

– Тогда – вы?

– Нет. Но я должна вам сказать...

– Увы, сейчас нет времени для разговоров. Пропади все пропадом! Но в любом случае вы можете... Все, поздно, они уже здесь! Брысь отсюда! Быстрее, черт побери!

Они бросились по коридору к кабинету и скрылись из виду, прежде чем фараоны пересекли вестибюль и подошли к входной двери. Легавых было двое. Я открыл перед ними стеклянную дверь и, пропустив их, закрыл ее снова.

– Привет. Вы из участка?

– Нет. Мы патрульные. А вы кто такой?

– Арчи Гудвин, частный сыщик из конторы Ниро Вулфа. Здесь оказался по чистой случайности. Вход вот охраняю. Я подожду здесь, пока не приедут из участка. – Я махнул рукой в сторону кабинета. – Там в кабинете миссис Милтан и все остальные, а труп лежит двумя этажами выше.

– А вы, похоже, шустрый малый. Тогда покараульте еще немного, ладно? Пошли, Билл.

Они затопали вглубь здания. Я остался на своем посту, щелкая пальцами. Пару минут спустя один из полицейских снова притащился в коридор и зашагал вверх по лестнице. Еще пару минут спустя в вестибюле показались трое парней в штатском, но одного взгляда на них было достаточно, чтобы сообразить: они просто ищейки из участка, а не сыщики из уголовной полиции. Я коротко ввел их в курс дела. Один из них сменил меня у дверей, другой направился вверх по лестнице, а третий – в кабинет, велел мне следовать за ним.

В кабинете сидел один из патрульных и, не раскрывая рта, переписывал в блокнот фамилии всех собравшихся. Парень из участка перекинулся с ним парой слов и уединился с миссис Милтан. Я бочком отошел в сторону и, стараясь быть как можно незаметнее, устроился рядом с вешалкой, хотя мне очень хотелось пробраться к черногорским барышням и шепнуть им пару слов в качестве доброго совета, прежде чем нагрянет уголовная полиция и начнется настоящая потеха. Я решил не будить мыслительный процесс даже в полицейских из участка. Клиенты и служащие расположились в кабинете кто где: одни сидели, другие стояли, но никто не разговаривал, если не считать случайных восклицаний. Я обвел взглядом лица собравшихся, не ожидая, в общем-то, заметить ничего особенно интересного или значительного, и вдруг увидел прямо перед своим носом нечто оказавшееся разом и интересным, и значительным. На вешалке на прежнем месте висело мое пальто.

Оно было так близко от меня, что я касался его локтем, но заметил я не это, а клапан левого кармана, который завернулся внутрь, при этом сам карман оттопыривался, как будто в нем что-то лежало. Но лежать там ничего не должно было. У меня, конечно, не такие портные, что шили костюмы для Перси Ладлоу, но с самого рождения я привык к опрятности и, уж конечно, не разгуливаю в пальто, у которого клапан засунут внутрь кармана, и я точно помнил: карман был пуст.

Моя рука непроизвольно дернулась к карману, чтобы пощупать, что в нем лежит, но я вовремя спохватился и сдержал свой порыв. Я посмотрел по сторонам, и насколько мог заметить, за мной вроде никто не наблюдал, ни явно, ни тайно. Правда, времени на углубленный анализ у меня не было, ведь уголовная полиция могла нагрянуть с минуты на минуту, а то и раньше, а как только они появятся, вопрос о свободном самоопределении стоять уже не будет. Я подошел к вешалке, снял с нее пальто и шляпу и направился к выходу из кабинета и даже успел сделать целых три шага, прежде чем меня остановил громкий рык:

– Эй, вы, куда идете?

Я оглянулся и, поймав свирепый и подозрительный взгляд участкового, отчеканил в ответ:

– Администрация не отвечает за оставленные пальто и шляпы, и я решил унести отсюда свои вещи. Сюда сейчас сбежится куча народу, так что лучше я уберу их в запирающийся шкафчик.

С этими словами я добрался до двери и на всех парах вылетел из кабинета. Был один шанс из трех, что он оставит миссис Милтан и бросится за мной следом, но, на мое счастье, он этого не сделал. В коридоре я даже не взглянул влево, в сторону выхода. Там на страже стоял цепной пес, и я знал, что даже пытаться пройти мимо него, прикинувшись шлангом, – дело гиблое. Вместо этого я сразу повернул направо, где в пяти шагах заприметил узенькую дверцу. Открыв ее, я увидел ведущую вниз деревянную лестницу без ковра. Сразу за дверью был выключатель, но я не стал им щелкать, а

поскорее плотно притворил за собой дверь. Тут же вокруг стало темно, хоть глаз выколи. Освещая себе путь тонким фонариком, я осторожно, но не теряя ни секунды, спустился по лестнице до самого низа. Посветив вокруг, я увидел, что нахожусь в просторном помещении с низким потолком; вокруг рядами высились штабеля коробок, а посередине на полу громоздились наполненные чем-то ящики. Я обогнул их и двинулся вглубь, туда, где виднелись тусклые прямоугольники двух окон на расстоянии нескольких футов друг от друга. Мне следовало бы быть начеку. Когда направленный вниз луч моего фонарика осветил нечто высывающееся из-за груды коробок, что я вовсе не готов был увидеть, я остановился как вкопанный и еле перевел дух. Это был носок чьей-то туфли, и потому, как он торчал, было ясно, что в туфлю вдеа и одна из ног, на которой стоит ее обладатель. Я направил луч фонаря прямо на туфлю, затем через несколько секунд выдохнул, посветил вверх и сунул правую руку в карман пальто, после чего достал ее оттуда. После этого я достаточно громко произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Только
через мой
труп

Примечания

1

Имя Вулфа в переводе с английского означает Нерон. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[Вернуться](#)